

АНДРЕЙ
БЕЛЫЙ

ГЛОС
СОЛА
ЛИЯ

ПОЭМА
О ЗВУКЕ

evidentis

ММII

АНДРЕЙ
БЕЛЫЙ

ГЛОС
СОЛА
ЛИЯ

ПОЭМА
О ЗВУКЕ

evidentis

ММII

Печатая «Глоссоластию» через пять лет после ее написания, я должен дать несколько пояснительных слов. Было бы совершенно превратно в «Глоссоластию» видеть теорию, собирающуюся кому-то что-то доказать. «Глоссоластия» — импровизация на несколько звуковых тем; так, как темы эти во мне развивают фантазии звукообразов, так я их вылагаю; но знаю я: за образной субъективностью импровизаций моих скрыт внеобразный, несубъективный их корень. Ведь, наблюдая оратора, видя жесты его и не слыша вдали содержания его речи, мы можем, однако, определить содержание это по жестам, как «страх», «восхищение», «негодование», мы заключаем, что речь, нам неслышная, есть «нечто восхищенное» иль «страшное»; мы потом узнаем, что оратор предостерегал против чего-то, стараясь к чему-то внушать толпам страх; и мы понимаем, что восприятие наше жеста вполне соответствовало содержанию, не слышному нам.

Так же звук я беру здесь, как жест, на поверхности жизни сознания, — жест утраченного содержания; и когда утверждаю, что «Сс» — нечто световое, я знаю, что жест в общем — верен, а образные импровизации мои — суть модели для выражения нами утраченной мимики звуков. Что

мимика эта в нас вспыхнет и осветится сознанием, в это твердо я верю. И в это будущее поднимаю свои субъективные образы, не как теорию, а как поэму: поэму о звуке.

«Глоссолалия» есть звуковая поэма. Среди поэм, мной написанных («Христос Воскресе» и «Первое Свидание»), она — наиболее удачная поэма. За такую и прошу я ее принимать. Критиковать научно меня — совершенно бессмысленно.

Андрей Белый

1 июля 1922 года

Берлин

Глубокие тайны лежат в языке: в громе говоров — смыслы огромного слова; но громы говоров и мгновенные молнии смыслов укрыты метафорным облаком, проливающим из себя в волны времени линии неизливных понятий; и как не схожи нам ливень, грома, облака, так не схожи и смыслы звучаний, и образы слова; отличен от них сухой, плоский понятийный смысл.

Что такое земля? Она — лава; лишь корост кристаллов (камней) сковал пламень; и рокоты лавы бьют в жерла вулканов; и верхний пласт — зéмли — так тонок; покрыт он травой.

Так и слово, которое — буря расплавленных ритмов звучащего смысла; толщею кремнистых корней эти ритмы окованы; пылкий смысл утает, верхний пласт — слово-образ (метафора); его звук, как гласит нам история языка, только склейка разъеденных, разъедаемых звуков; а образ — процесс разрушения звука; и смыслы обычного слова — трава! — начинают расти из него; так: падение фонетической чистоты есть развитие диалектической пышности; и падение пышности есть термин, есть осень для мысли.

Бурный пламень, гранит, глина травы — не схо-

жи; не схожи; не схожи нам смыслы: понятий, метафор, корней и движений воздушной струи, построющей звуки в огромнейшем Космосе (в полости рта).

2

Некогда не было знаков, «Земель», ни кремней, ни гранитов; было — пламенное; распускались по Космосу лопасти летучего газа; земля клокотала огнистым цветком; развивалась, сливалась она из Космической сферы; и эти жесты огней повторили позднее себя: в лепесточках цветов; оттого-то космический свет — цвет полей; все цветы — напоминания об огнях безграничной, космической сферы; все слова — напоминанья о звуке старинного смысла.

Некогда не было в нашем смысле понятий: понятийный корост обстал образ слова; некогда не было самого образа слова: образы обложили позднее безобразный корень; ранее не было корня; все корни — змеиные шкурки; змея же живая — язык; некогда та змея была струями, нёбо же — парусом ритмов, несущих; космос, твердея, стал

полостью рта; струя воздуха — эта танцовщица мира — язык наш.

Прежде явственных звуков в замкнувшейся сфере своей, как танцовщица, прыгал язык; все его положения, перегибы, прикосновения к нёбу и игры с воздушной струей (выдыхаемым внутренним жаром) сложили во времени звучные знаки — *спифанты*, *сонанты*: оплотневали согласными; и — отложили массивы из *взрывных*: глухих (р, т, к) и звучащих (b, d, g).

3

Игры танцовщицы с легкой, воздушной струей, точно с газовым шарфом — теперь нам невнятны.

И сочетания звуков, слагаясь, ссыпаясь, ссыхаясь, отяжелили наречия; словари звуко-образов, бремени память нам, не взирают нам в душу былым своим явственным жестом; так: ясность звучного смысла — в умении видеть танцы танцовщицы с шарфом — воздушной струей; темнота же его — в словарях, из которого понастроены человечеством храмы наречий.

Сочетанье высокого «i» с низким «u» (иностранное «у») не означает для нас — *сочетанья, слиянья*; не понимаем: звук «W» есть звук «U»; в «i» есть «n»: iun-iuw-iun-(go)-iuv (enes) — нам бежит по истории; и означает: «*слиянье*» и «*юность*»; *не понимаем мы древнего «W», произносимого около глотки; не понимаем, как только потом возникает звук «V», перелетая к губам. Выражение влета- ния воздуха в глотку есть Nah; оттого-то и «ах» — удивление, опьянение воздухом; «ha» — отдание, эманация: воздуха, жара души; и звук «Hauch» выражает значением смысла — значение звука. Полу- гласная «h» (верней, «а» с придыханием) — первое веяние воздуха звука из жара, из глотки.*

Образование спирант — образование горящих туманностей газа: тончайшей материи звуков; в «w», «v», «r», «h» и «s» мы имеем распад на тепло (w), энергию (r), воздух холодный (v) и воздух теплый (h), на свет и огонь («s» и «r»); а в сонатном ряду u-w-r-l-n — образование: из воздуха влаги; l-m-n — явно жидки; три взрывные — g-d-b — почти тверды: «b» — вязко, «d» — звонко, «g» — рыхло- рассыпчато; k-t-p (ряд глухих, глухо-взрывных) — тверды; я сказал бы, что — каменны, если б «p» не являлся нам символом твердой животности, «t» — растительной тканью; «k» — каменный, минераль-

но-безжизненный звук; вот три царства: животных («p», «b»), растений («t», «d»), кристаллов («k») и аморфных земель («g»).

4

Все движение языка в нашей полости рта — жест безрукой танцовщицы, завивающей воздух, как газовый, пляшущий шарф; разлетаясь в стороны, концы шарфа щекочут гортань; и — раздается сухое, воздушное, быстрое «h», произносимое, как русское «ха»; жест раскинутых рук (вверх и в сторону) — «h» (см. рис. 1).

Жесты рук отражают все жесты безрукой танцовщицы, пляшущей в мрачной темнице: под сводами неба; безрукую мимику отражает движение рук; те движения — гиганты огромного мира, незримого звуку; так язык из пещеры своей управляет громадою, телом; и тело рисует нам жесты; и бури смысла — под ними.

Жест руки наш безрукий язык подглядел; и повторил его звуками; звуки ведают тайны древнейших душевных движений; так, как мы произносим звучащие смыслы словес, так творили нас некогда: произносили со смыслом; наши звуки —

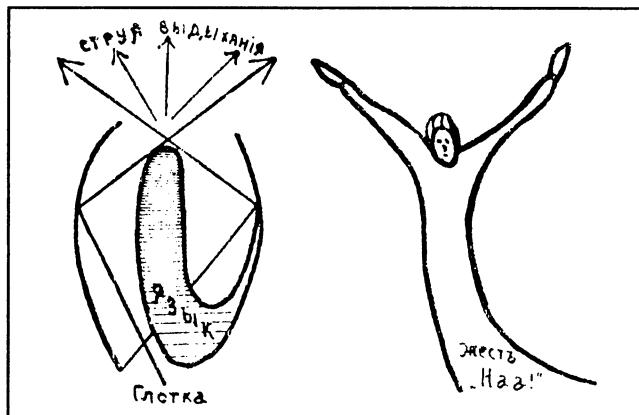

Рис. 1

слова — станут миром: творим человеков из слов; и слова суть поступки.

Звуки — древние жесты в тысячелетях смысла; в тысячелетях моего грядущего бытия пропойт мне космической мыслью рука. Жесты — юные звуки еще не сложившихся мыслей, заложенных в теле моем; во всем теле моем произойдет то же самое с течением времени то, что происходит пока в одном месте тела: под лобною костью.

Переполнится мыслью все тело мое.

В звуке «г» подлетает язык: его кончик дрожит; струя воздуха сзади толкает язык; и срывается с места он, сиюсь побегать по направлению к выходу в свет — имитация жеста бега по времени — «г» (см. рис. 2).

В звуке «с», у зубов, завиваясь спиралью, струя выдыхания излетает наружу, рисуя нам жесты спиралью взвиваемых рук.

В звуке «в» замыкаются губы; и сила покрова из губ (как давление с периферии и к центру) звук «в» нам кидает обратно; и оттого — вот жесты «в»:

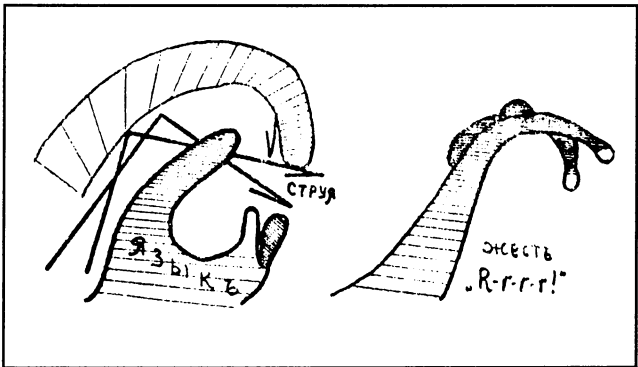

Рис. 2

отступя шаг назад, наклонив долу голову, приподымаю я руку над ней, уходя под покров.

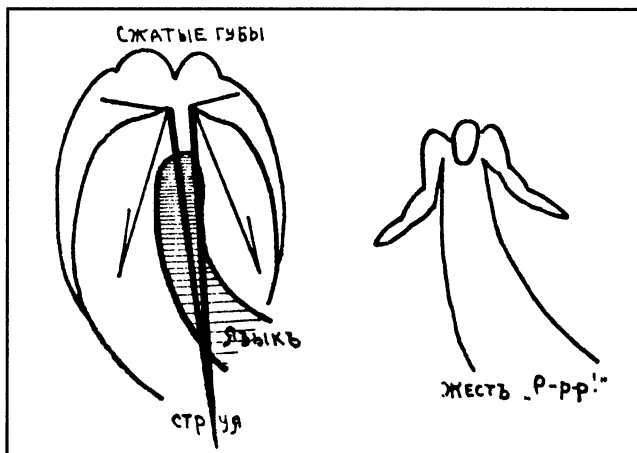

Рис. 3

В звуке «р» — жест иной (см. рис. 3).

Так мимика звуков слагает нам танец; искусство ритмических звуков — язык языков.

6

Видел я эвритмистку: танцовщицу звука; она выражает спирали сложенья миров; все они —

мироздания; выражает, как нас произнес Божий Звук; как в звучаниях мы полетели по Космосу; солнца, луны и земли горят в ее жестах; аллитерации и ассонансы поэта впервые горят.

Будут дни: то стремительно вытянув руки, то их опуская, под звезды развеет нам рой эвритмисток священные жесты; на линии жестов опустятся звуки; и — светлые смыслы сойдут. Жестикуляция, эвритмия — искусство словесности; филология в наши дни есть искусство медлительных чтений; в грядущем она — быстрый танец всех звезд: зодиаков, планет, их течений, горений; узнания мудрости — ноты и танцы; умение жестами выстроить мир означает, что корень сознания вскрыт: мысль срослась со словом; так: выражение звука есть знание; и ответ на вопрос есть мимический жест, изображающий жизнь вопроса во мне; без умения изображать жизнь вопроса нам нет разрешений вопроса.

Видал эвритмию (такое искусство возникло); в нем знание шифров природы; природа осела землею из звука; на эвритмистке червонится звук; и природа сознания — в нем; и эвритмия — искусство познаний; здесь мысль льется в сердце; а сердце крылами-руками без слов говорит; и двулучие рук — говорит.

Эвритмиею опускали нас духи на землю; мы в них, точно ангелы.

Видал я эвритмисток (близ купола, крепкого звуком): их шарфы метались; и дугами крылий качались их руки; и опускались их шарфы; бывало, стоит та и эта, протянет к нам руки, рисуя далекие звуки; казалось: за ней кто-то есть; и расколами звука — блестит сама Древность:

— В древнейшей Аэрии, в «Аэре», жили когда-то мы, звуки; и звуки доселе живут; звукословием выражаем мы их:

Рудою солнца посеян свет,
Для вечной правды названия нет.
Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты...
На крепких сгибах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук.

Сергей Есенин

7

Над булыжником мостовой простоять можно дни; можно днями себе представлять старину его жизни. Но не под силу геологу эту жизнь пережить.

Таково положение лингвиста над корнем — обломком дышавшего смысла; он волен часами продумывать перемены корней — по языкам, по векам; но не под силу лингвисту исполниться жестом, стать воздухом корня: летать существами его по истории языков, в сотрясениях воздуха слышать печати древнейшего смысла; и, облакаясь в образ бормочущих былей, восстанавливать то, что *было*.

Геолог не может сказать: «Да, я видел булыжники перворожденными вспышкой огней; да, я видел летучие танцы тончайшей материи, понял все ритмы кристалла». Геолог нам скажет, что пыльный булыжник — осколок такой-то породы, тогда-то осевшей.

И — скажет лингвист:

— Индоевропейские языки распадаются нам не семь групп; первая, индо-иранская группа, содержит в себе: язык Вед, язык надписей Дария, язык текстов Авесты, говоры областей Курдистана, Афганистана, Белуджистана, Памира; вторая содержит в себе диалекты: аттический, ионический, кипрский, аркадский, дорический, беотийский, эладский и фессалийский; италокельтская группа дает языки — умбрский, осский, латинский, британский (тут — говоры: кимвр-

ский, корнский, бретонский) и гельский со включением гальского диалекта; четвертая группа (германская) носит язык надписей (рун), готский, шведский, норвежский, исландский и датский; немецкий представлен тремя диалектами (фризским, верхне- и нижнегерманским); славяно-балтийская группа объемлет собою нам прусский, литовский, латышский; и — диалекты: словинские, сербо-хорватские, македоно-болгарские, малорусские, великорусские, белорусские говоры; польские и полабские диалекты; и — лужицкие диалекты; шестая албанская группа дана нам в албанском; седьмая, армянская группа — армянским...

Так скажет лингвист; и он скажет еще —

— что по способу артикуляции двоеродны согласные: взрывные и *спиранты*; *взрывные* характерны прерывом воздушного тока в местах полости рта, возобновлением тока (эксплозией); при ослабленной силе давления *взрывные* суть b-d-g; и r-t-k суть глухие; образование затвора губами — рождает *губные*; прикосновение язычного кончика к верхне-переднему нёбу рождает *зубные*; прикосновение к нёбу язычной поверхности порождает *гортанные*. Все *спиранты* суть звуки, возникшие от суженья воздушного тока (гортанью, губами, зу-

бами). *Сонантами* называются средние, *гласно-согласные*, звуки: u-w-r-l-p-m суть *сонанты*; в «m», «p» токи воздуха пролетают через нос; при «l» кончик язычный касается нёба: края — опускаются; в «r» этот кончик дрожит, не касаясь нёба; древний «w» переходит отчетливо в «gh» через исчезнувший звук, изобразимый обычно как «gwh»; поздний «v» есть *сонант*. И так далее*.

Только это расскажет лингвист, принимаясь за звук.

Таково положение лингвиста над корнем.

8

Присоединением окончаний, приставок и грамматических форм обрастают первичные, язычные формы. Первичные языки односложны; так: односложен китайский; и нет различия в нем меж предлогом, глаголом, наречием, прилагательным; нет падежного окончания; расположение корней заменяет спряжение; *во да ни* означает *я бью тебя*; *ни да во* означает *ты бьешь меня*.

* Сюда: А. Мейе. Введение в сравнительную грамматику индо-европейских языков. (Перевод) Юрьев, 1914.

Впоследствии сочетаются корни; иные, теряя значения, сопровождают слова; таково китайское *цзы*: первоначально *цзы* — сын; но *лао-цзы* есть *старый*; *хао-цзы* есть *нищий*; *си-цзы* есть *актер* и т. д.

Во втором периоде языков таковые слова суть приставки: агглютинативные языки (таков нам китайский, туранский) приклеивают приставку к корням, а во *флективном* периоде (в третьем) *приставочный* и *приставляющий* корень теряют первичные смыслы; санскритские корни — такие: утратили первые смыслы они.

Все падежные окончания — остатки словес; по Максу Мюллеру, в слове «*lucet*» остатки трех слов: *luc-e-t*; и оно — предложение, сжатое в слово: предложения — древнее позднейших словесных сложений. Да, предложения — суждения речи; и так: смысл — прежде корня; смысл «*lucet*» утерян: и находим — в круге смыслов; в «*luc*», «*e*», в «*t*». Но эти смыслы — утрачены.

Переменчивы корни: *tud* (*tudati*) есть *толкаю*; меняется корень *tud-tup-tyr-tus*; и даются слова: *typto*, *tupati*, *timpat*, *topati* и *tusiti*; *тузить* — происходит отсюда; отсюда же слова *тимпан*, что есть точно (по корню): *тузимый*, *толкаемый**.

* См.: М. Мюллер. Лекции по науке о языке.

*В*аренец и варенье, молочный продукт и плоды — что тут общего? Корневое значение «*waг*» не связуемо с образом.

Курица поклевала — встает один образ; и *позобаше* — другой уже образ; оттенены два момента.

Понятие от *поятие*, *взял*, *усвоил* и *понял* — одно в корне слово *Begriff* от *begreifen* — *схватил*; и *notion* от *noter*. *счел*, *учел*. Так в абстракциях мысли не выражает звук слова *понятие* суммы оттенков (*усвоил*, *схватил*, *счел*, *учел*, *понял*, *взял*).

Понятие — неотделимо от ореола из образов; он препятствует сосредоточить внимание на отвлеченном словесном моменте; *понятие* — *взятие*; но — не всякое: *взятие* мыслью; и оттого то *понятие* в круге образов слова — момент; таковы все абстракции.

Изображение *точки*, *момента*, всегда только чувственно; *изобразимая* точка — модель; необходимость изображения понятий при помощи слова — трагедия философии: наше средство познания, слово, — неотделимо от образа.

Образ слова есть круг всех моментов понятия; и оттого: образ мысли есть образ, не данный абстрактно; *понятие* только пунктир; и текучая, недробимая линия — мысль; поползновение отвлекаться от образов в данных условиях мысли ведет к перепрыгу сознания через себя самого.

В терминологии невозможное хочет быть нам возможным, несущее — сущим; но небытийственны те несущие *не сущие* смыслы; все понятия — слова, имена, бытия, существа; но понятия-термины — имена наизнанку; выверните наизнанку словесный звук (*Nomen*), почти выйдет *Nemo* — никто; или даже *nem on*. Небытие, немота, глухота сопровождает нам термины.

Можно ли, мысля мгновенно, обнять круг понятий? В *usus*'е словесного выражения — нет: понятие отделено от понятия непроходимыми безднами; так ответят нам логики; вскроют суждение — переход от понятия к понятию, как огромный процесс, напоминающий космос, в ко-

тором понятия — звезды — отделены друг от друга безмерными безднами; чувственность — бездны эти.

Современные гносеологи осознали трагедию обременения понятия образом; художники слова сознали трагедию: обременения образа схемой; и образ, и корень, взаимно ломая друг друга, ломают нам смысл; и градации смыслов, порвавшие связи друг с другом, стоят перед нами; слепые, глухие, немые — стоим перед ними; и восставая грамматикой против смысла понятийных взятий, и восставая из логики против образных восприятий понятий — терзая себя, истерзали слова.

Но ствол общий, иль корень, подпочвенен, темен и глух: его смысл — запорожен; пороги сознания шатки; в неосторожном разбитии их нам слова, *запорожцы*, грозят грозным, темным наскоком: насилием крика над толком. Стремление пересоздать смыслы слов очень часто — безумие.

И все-таки: образ мысли, понятие, суть зависимые переменные слова; независимая, непременная величина его — звук; и он нудит, зовет за порог: в ночь безумия, в мироздание слова, где нет ни понятия, ни образа слова — есть твердь — и *пуста*, и *безводна* она; но дух Божий — над нею.

Образ нудит нас видеть; и не дает проницания; и видения носятся; и — непонятны они; такой призрак есть видимость.

Что мы видим извне — часть возможного; динозавры невидимы в круге теперешней жизни; и в материальных условиях не возникает кентавр; но он — *есть*; наше внешнее видение — малая часть наших ведений; глагол *видеть* есть в сущности *ведать*: и *виды* суть *веды*; ведун видит больше.

Обставшая видимость (купол нёба) могла бы такую не быть, а быть клокотаньем кипящих, светящих фантасмов: орнаментом линий, ежесекундно меняющим очертание; вся история орнаментального творчества нам являет действительность, аналогичную нашей; здесь сложнятся бегущие линии; и обвисают гирляндой, откуда выходят дриады и фавны, отваливаясь от их родивших гирлянд: хвостик фавна в истории живописи — черешок, соединявший его со стебельком; рядом с логикой данной природы есть логика архитектоники линий: природа фантазии; в ней природа, пленившая нас, — лишь момент, лишь абстракция круга;

в круге не данных природ протекает природа нам данная; данность ее только малая часть; и лишь целое этой части — действительность.

Невозможное миру фантазии — *сущее звука*; область звука — в за-образном, в корневом, в прародимом.

13

Мир — абстракция круга миров; мир — момент мирозданий; понятие непонятно в понятии; эзотерический смысл его — *круг*; это — миф; но метафора, миф, объяснима лишь в круге метафор; мифология мифологий — отсутствует; круг метафор — не замкнут; смыкается звуком он; звук — непосредственен; и мифология мифологий лежит в смысле звучности; непререкаемы звуки; я слышу g, r, то есть gr, и не могу утверждать, что я слышу p, t; между тем образ *птица* в образованиях нашей души раздроблен (во мне он есть *коршун*, в другом он есть *ласточка*).

Образ слова не разрешает проблему познания речи.

Трагедия понятийных пониманий словесности в том, что процесс становления, образ, опознается одним из продуктов процесса; продукт есть понятие; точка не обнимает нам круга.

Понятие — в круге суждений; в аналитической логике оно есть первейший момент; круги мысли защелкнуты составною частицей — понятием; образность суждения — налицо; зависимость мысли понятий от образов речи есть факт жизни мысли.

Мы приходим к признанию смысла понятия в круге, которого целостность — образ (идея), иль миф; миф же жив; в тысячелетиях понятийной жизни растет миф единый.

Звук — круг кругов: можно в образах мыслить отчетливо, если найти звук единый, связующий их; в образованиях мифологии звук изживает себя. Звук безобразен, беспонятен, но — осмыслен; если б он развил смысл безотносительно к данным смыслам понятий — за листопадом словес мы могли б, проницая словесность, до дна проницать и себя: свою скрытую суть мы могли бы увидеть; и звукословие — опыт; восстановлено мироздание в нем.

Форму горного человека возможно прочувствовать, идя внутрь, за собою ведя извне бьющие звуки; макрокосмический человек, по заверению Штейнера, станет внятно понятным, когда мы научимся видеть, как звук облекается в образ. Штейнер советует звук наблюдать: произнесения — опыты; необходимо восчувствовать, как звук «а», проносяся по воздуху, ткёт себе ткани.

Тогда мы поймем, что вставало перед мудрым евреем в звучаниях Библии: *Берешит барá Элогим эе хашамаим бэт харéц**. Целый мир возникал; возникали картины, подобные возникающим у порога к сверхчувственной тайне; проникновение в Библию — чрез углубление в звук; необходимо умение углублять; необходимо умение наблюдать.

— «Берешит» — звук свободен от знаков понятий, покрывших его, от метафор, от корня: и то — *бе, решь* и *шит*; то — пылающий пламенник; надо кинуться в пламенник звука, как в *пещь Данишла*; остаться нетронутым в ней; и — представление огромного шара и жара возникнет: и свет, будто солнечный центр, вдруг блеснет: внутрь

* В начале сотворил Бог небо и землю.

себя; мировая ткань «*мира в начале*» появится образом пара, огней, раскаленных, бушующих, воспламененных субстанций; из пара, огней, раскаленных, воспламененных субстанций — *лик Духа, творящего* бурную и калимую ткань; эта ткань — мировой кипяток — как покров, на том Духе; представление громадного жара и шара воистину станет нам ясным покровом, переливчатым, как перламутр, и прозрачным, как воздух; сквозь него, точно демоны глухонемые, — на нас Элогимы стремят безглагольные взоры свои; и творят нам «Начала»: то было «в начале» земли, в «*берешит*».

«Берешит» — вот три звука: *бэт*, *реш* и *шит*; *бэт* в душе мудрецов вызывало энергию действий, прикрытых покровом: энергию действия в скорлупе... в перламутре из пламеней; *реш* вызывало огромные облака Духов, творящих внутри оболочки и устремляющих безглагольные взоры на нас; «*шит*» являло потоки стремящихся сил — страстных сил, устремленных наружу; в звуке *шит* есть задор — вот какая картина вставала еврею первейшими звуками первоположенной книги; звуки Библии есть особый язык; если душу расплавить, прояснится он: и — откроется путь к пониманию Библии. Так говорит Рудольф Штейнер: «Поэтому, в самых звуках... является нам та высо-

кая школа, которая древнего мудреца приводила к картинам, воскресшим для взора... Появляется невыразимый трепет... пред тем, как воскресала вселенная наша»*.

Для охранителей музеев корней это все — только бред, разумеется; их небредные мысли зато часто — тусклости.

16

Вот еще углубление в звук: Яков Бёме: «Am Anfang schuf Gott Himmel und Erden». «Надо в точности рассмотреть эти слова, что они значат: ибо слово Am собирается в сердце и доходит до губ, здесь оно пленяет и, звуча, возвращается назад до своего исходного места... Это означает... что звук изошел из сердца Божия и объял все место сего мира; но как оно оказалось злым, то звук снова отступил назад». Живописуется здесь душевность движения гласного «а» и отдавания звука при «т»: жесты «т» суть отдача от губ в область полости — ниже и спереди по отношению

* Текст и отрывок суммирует пространное изложение картин, мудро вписанных в звук. Рудольф Штейнер. Курс XIV. Лекция 3-я (Для членов «Антропософического общества»).

к «п»... «Слово An вырывается из сердца к устам и оставляет долгий след; когда же оно произносится, то замыкается в середине на своем престоле верхним нёбом и остается наполовину снаружи и наполовину внутри...» (Здесь опять-таки гласное «а» прямо связано с сердцем; а «п», пропуская струю выдыханий через нос, оставляет свое впечатление: «*наполовину снаружи и наполовину внутри*».) Это означает, что сердце Божие возымело отвращение к поврежденности и отвергло от себя поврежденное существо...»* и т. д. На протяжении ряда страниц Яков Бёме рисует градации жестов из звука.

17

В приводимом звучании явлено «am-an-an» (am Anfang); интересует, «m», «n» полугласные или сонанты; «am-an» или «man» — звуки мысли; действительно — *man-gti* есть *понимать* (по-литовски), *man-at* (по-армянски) есть то же; по-зендски *мысль* — *mana*; и по-санскритски: *мысль* — *manaḥ*, *молитва* — и *man-ta*, и *man-tra*, *ум* — *mana-s*; *подума-*

* Я. Бёме. Аутога. Перевод Алексея Петровского. С. 258–259.

ли — *matn-ate*; «mn» — звуки мысли: *mn-ить* и *mn-ение*; *tin-eti* есть *иметь на уме* (по-литовски); ум — и *tenos*, и *ten-s* и *ten-me* (ирландский) — ум. Уразумеем теперь эти звуки. «Am Anfang» — в них есть сочетание *am-an-an*, переходящее в *(a)mana(n)*; «am Anfang» («в начале») гласит звуком слов, что «*в начале был разум*». Самое начало есть разум: «В начале бе слово».

Евангелист Иоанн вписан звуками.

Так еврейское «берешит» и немецкое «Anfang» дают две картины: пылающий блесками мир; и — Элогимы под ним; это вскрыл Рудольф Штейнер... И некий космический человек «Adam Kadmon» (*ad-ad-am-on*) (в мысли божественной, в «Мапа», звучит по-немецки; «В начале всего»).

Звук «амап» заключает мысль разума (*mana*), любви (*ame*), жениха (*Mann*); Начало сошло с Концом; иудаизм с христианством; картины и звуки иные: жест смысла — один.

18

Не забываю: я — субъективен; мои толкования — жалкие упражнения в уразумении письмен,

устремленных на нас из-за бури свеваемых листьев усохшего смысла; самосознание звука в нас есть: но оно, как младенец, едва открывает глаза в необъятность безобразно вставшего мира; безобразность поглядит на меня; и — отрясает мне внятицу обыденного слова; но я — не невежа: не варвар; я — только не эллин; я — скиф в мире созвучий родился я только что ощущаю себя в этом новом, открывшемся мире — переживающим шаром, многоочитым и обращенным в себя; этот шар, этот мир, есть мой рот; звуки носятся в нем; нет еще разделения вод, ни морей, ни земель, ни растений — переливаются воздухо-жары, переливаются водо-воздушности: нет внятных звуков.

Ушел к себе в рот подсмотреть мироздание речи: я буду рассказывать сказку, в которую верю, как в быль; сказка звуков пройдет: пусть для вас она — сказка; а для меня она — истина; *дикую истину* звука я буду рассказывать.

19

Из глубин божества вспыхнул план мирозданий.

И — не было: ни начал, ни архангелов, ангелов; не было человека, животных, трав, суши; само Божество не склонилось еще к месту мира: оно еще отлагалось обвалом: образовало дыру в самосоздании духовных существ; но обвалы духовного мира — дары; их повергли в *ничто*, как жар жизни, — Престолы; а Элогимы плотнили жару: образовалось сознание жара и шара внутри Элогимов; самосознание Элогимов теперь пронизало себя; и — ощутило свое бытие (план физической жизни), как пышущий шар; и очами смотрело в себя: очи шара — слученія элогимовых мыслей — себя ощутили, как самотность тела: то было началом Начал; воплощались они.

Их работы — скульптурные слепки: тепло (иль зачатки физических органов); мы — сознание органов — были вне органов мыслями мыслей Начал.

Действо жизни Начал, теплота, была суммой термических колебаний во времени: времена истекли из Начал.

Протекал первый день: назывался Сатурном*.

* Все рассказанное — переложение. См.: *Р. Штейнер*. Очерк тайноведения.

Как возник мир согласных?
 Был повергнут в ничто — в полость рта — выдыхательный жар; и звуки слагались, обстав круг гортани: теплоты неслись, расширялись струей в выход глотки; в летучем безвещии звука стояло легчайшее — «h» — ... — Шум тепла выдыханий — Начала. В Начале — тепло; в ущелье рождения звука есть глотка. Струя жара несла неопределенную гласную, «e» опрокинутое, совпадающую с неслоговой альфой; так учат лингвисты*; и учат они: это «e» опрокинутое, или «a» в «ag», «al» обратилась в «ig», «ig»**»; «U» есть звук полугласный; он — средний меж «u» и меж «w»; в «u» мы движем гортанью: — uh-uh — проносилось из глотки; невыразимости шума, тепла (в полость рта) — ужасами; и за отчетливым звуком тянулась змея жаровая в ущельях гортани, и обернись поздний звук на себя, к месту выхода глотки, к младенческим мигам своим, — он увидел бы, что за ним поползли — из дыри, глубины.

Звуки некогда были: движеньем гортани; в му-

* См. В. Поржезинский. Очерк сравнительной фонетики. С. 17, 18.

** Ibid.

чительных расширениях и в сжатиях тепло проползало из «u» («u» — гортань).

21

Струя жара дробилась, металась, образовала жару — «u» и «h»; образовалось древнейшее «w» (задненёбное «w»); приближалось оно к звуку «u»; приближалось оно к звуку gwh; образовались зачатки материи минералов (h-h); образовались зачатки тела жизни (w-w); и заработали звуки: «ch», «k» — оплотнения «h»; «m», «b», «p» — оплотнения «w»; будущий материк нашей «суши» — g, k, — и животного тела b, p, — в первый день состоянья тепла суть еще состояние «h», состояние «w».

22

За отчетливым «p» стоит древнее «w» — и в «p» чутся: в полость рта наползает змея выдыхаемых жаров; хрипит звуковой Протагон; вылезает из недра; звук пухнет в безвещии: rrr-phrph-wphw-uwu-uuu; и «Uhg» вылезает.

За оболочкой позднейшего звука мятутся старинные шумы — в глухонемой темноте; толокутся и бегают, водворяя нам бестолочь: лепетания старых Парок лобзают; и — Парка бормочет:

И мы безумствуем в ночи
С тысячелетнею старухой.
Влетают звучные лучи
В тоской изорванное ухо.

Звук кричит страшным смыслом; и что накричит он нам там — не понимает никто; он кричит, старый звук, как он звук, там ползет из расселины горла.

23

«**Н**a-hi» — пролетает оттуда; *змея* по-санскритски *ahih*; безобразие удушений и хрипов грозит; но — поднявшийся кверху язык храбро встанет в безвещие; и собой прикрывает дыру; из дыры ползет змейность *ahih*; нас грозит удавить; но язык, как Зигфрид: мечом «г» — бьет по змею.

«R» — первое действие: сдвиг языка.

Но, его обвивая, хрипит змей, *ahih*; задрожав, твердо борются: первое действие — борьба: её меч — твердый «г»: Прометеев огонь нашей речи похищен из шипа.

24

В поздних смыслах «ig» — ярь (*iga* — гнев); «ig» — рычание; «eg» есть корень течения времени: *Rea* и *rei*; это время течет из Начала: из «U» — вытекает; и «u-h-g» означает первичное небо: «*Uranos*» и «*Uhr-alte*» — одно.

Корень действия «ag» — есть глагольная форма (*am-are*, *ar-are*), обозначает позднее — работу работ; таковая работа — ведение времени — борозды вечной пашни; да, время — наш пахарь:

Так лет мимотекущих бремя
Несем безропотнее мы,
Когда железным зубом время
Нам взрежет бархат вечной тьмы.

Звуки «ag» — борозда; удвоенье *ar-ar-g* — *пахать* (по-латыни); звуки «ar» на ирландском есть то же: *оранье* (литовское *ar-ti*), и эти звуки на готс-

ком суть ar-jan, на греческом — Areun, на англосаксонском — er-on, на современном английском — to-ear; орудия пахания: ar-atrum, ar-atron, ar-klas, ar-ad, or-adto; or-alo (по-латыни, по-гречески, по-литовски, уэльски, по-чешски, по-древнеславянски).

Действия времени перенеслись на пространство (на землю), земля называется: ego ira, ego, ire, terra, earth, airtha, Erde*.

25

Корень «ар», заявляет Макс Мюллер, обозначает работу пахания веслами влаги: aritra, aar, eretes** и т. д.

Корень «ар» есть геройство работы, дерзание, мужество (*hero* — герой); победитель — *ahih*, — благородный: он — *арий* (Макс Мюллер); он — *arga* в древнем санскрите; и обиталище *ариев* — *Арья-Аварта*; *Арий* есть всечеловек***, тот, кто трудится благородно, — *оратель*, *Ариец*; *Airga* звучат в

* Санскрит, древнегерманский, галльский, латинский, готский, английский, немецкий.

** Санскритский, английский, греческий.

*** См.: «Атарва-Веды».

Зенде-Авесте; и персы хотят быть *арийцами*; *Дарий* себя называет *арийцем* на надписях*.

Звуки «b» возникают от сжатия губ; «b» суть силы давящие: бьют по «r»; и r-b — столкновение (*борьба*); «rb» — *работа*: то *labor* (иль — *labor*); то — *Arbeit*; поработанные ею — *рабы*; а овладевшие ею (ha-er-be-er) *храбрые*; звуки «org» суть *энергия*, *оргия*, *ergon*, вост-*орз*; *bhar* — несение бремени: по-санскритски есть *bhar-ami*; *beret* (армянский), *бе-ремя* (славянский), *беру* (понесу).

Но за поздними звуками «br» раздается старинное «wr» — *веретено*, *вара времени*; Парка, старая баба, бормочет.

26

Из борьбы «ha» и «er» зарождается время — трагедия мира: *Arche* родит *Chronos*; и время укрыло борьбой благородного «r» безвременности *Uhr'a*; герой, побеждающий *Ура-Урана*, есть — *Хронос*; он — *Негг*, «ha-er-ha» — крик и *хруст*: *хрип борьбы*, удушение *Ура*.

«*Harah*» засыхает в «*karah*», что есть «крик» (по-санскритски); и «*hrika*» на древнеирланд-

* См.: М. Мюллер. Лекции по науке о языке.

ском — «кричать»; «krike» есть «закричал» (на гомеровском диалекте); и *clamor* есть *крик*: *cris* есть *крик*; и крикун, хрикун — ворон он — «Karavan» (по-санскритски); он *крук* (по-славянски); он *hrok* (по-ирландски).

В звуке «hr» нам скрещение линии истечения жара с другой мощной линией: восставания «г» среди окружности полости: крест в окружности — «hr»; это — *хрест*: «сгух, сгоіх».

Пред твореньем мира в космической среде (во рту) — воздвигается крест.

27

День Сатурна во рту сознаваем графически: неопределенный звук «е» («е» опрокинутое) развивает звучания «і», «а», «е»; перед «г» разряжаются звуки в «і», в «и» есть «w»*; далее восстают «h» и «г».

Собственно, до-согласная стадия звука есть «а-е-і»: «Aei» — *вечно*; оно есть ядро, и его обегает окружность из звуков: «h-g-w-sch».

* См.: В. Поржезинский, А. Мейе, Бругманн. Kurze vergleichende Gram der Indo-Europ. Sprache.

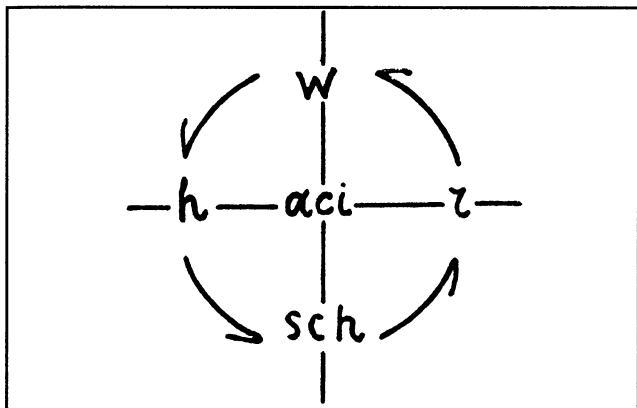

Рис. 4

Колесо: Крест и круг.

28

В середине Сатурна «aei»; «ауа» — век*; переложения до-согласного мира звучат: «iao» звук «Ягве»; «eia» — яйности (Eier — яйца); в яйце согреваясь теплом, созревают согласные: «а-е-і-г» есть аег (воздух); и «eiaг» есть «кровь»; кровь и

* По-санскритски.

воздуха звуки — одно в первородном тепле мира глотки; при движении вверх возникают градации: wi-we-wa-wo-wu (éwiwo, ewi, awe, awa, owa, owu).

Звуки нам пробормочут теплом: здравствуй, вечная жизнь (Ave «*ewige*» Eva); в ней — здравствую (vivo); в яйце (ova, ovum) родишь, Эва — иова (родительный Iovis обозначает Юпитера), отца (ava, avva, иль авв, аббат), мир позднейших звучаний: здравствуй, вечно исконная жизнь, из яйца породившая Иова, Отца: в нем рождаясь, живу.

Звуки «г» прибавляют: wir-wer-war-wor-wur; «wir» есть «вир» тепловой; «wer» есть временный червь («ver» и время); «war» — «вар» или жар; «war» есть «warm»; «wur» есть «wurm», или «Wur» или «Uhr»: «Uhr» — Начало; «Uhr» — Небо: Уран.

Звуки «hr» или «rh» звуки времени: Chronos, arche, hora, heure; «hr» — геройства, господства («Herr, héro»); «chr» — хрипы и крик: удушение Урана его порождением Хроносом.

29

«U гугу-игугу» — заработало колесо: и — тепловая энергия звука лучилась как — wi-we-

wa-wo-wu, hi-he-ha-ho-hu, wir-wer-war-wor-wur, chri-chre-chra-chro-chru, wri-wre-wra-wro-wru.

В этих звуках Начала плотнили жар жизни; и побежало по времени (r): «ог» — работа работ; «га» — итоги работы.

Тепло, нам сложившись во рту, постепенно истаяло: раздалися извечные, неопределенные звуки: aeі; была ночь.

30

Начался день второй*.

Элогимы воззвали к сознанию; вызвали: воспоминание своих действий (так мы: пробуждаясь, мы помним работу вчерашнего дня). Встал Сатурн: «Воспоминание было в Начале». Возникли Начала. И — Новое свершилось: в жар жизни Престолов повергли дары Херувимы; и новые мысли, влагаясь в тепло, воплощались в тепле, как Архангелы; изменяли тепло, уплотняя его и тонча; были вытканы Элогимами две ткани: ткань света и ткань огневая; как дым закрывала она чистый свет; так возник «Светоогнь». День

*См.: Р. Штейнер. Очерк тайноведения.

второй, светоогненный — Солнце — блистал; утончаясь, как Свет, и плотнясь в огневоздухи; там обитали зачатки растений, сошедших на Солнце.

Жизнь Архангелов простиралась от света к стоянью Престолов в местах, где теперь — Зодиак. И Престолы вперяли безмолвные взоры свои; и очами излили на Солнце святыни и блага.

И день второй кончился.

31

День второй мира звуков.
Как память, события жара встают; и «uhg-uhg-uhg» — раздается; поднимают старые корни «ag», «га»; и работа работ, как итог, повторяется:
— Ra.

«Ra» во рту есть предчувствие света в тепле; «Ra» во рту — взрывы блесков из жара; явление диска. «Ra» — солнечный бог. Световым колесом раздражается он из темнот теплоты: катит смыслы людей, божества мифологий, переменяет значения; и блеск залетает из «Ra» — «sa-ra-sa»: Siris, Sirius — Звездность — восходит.

Выдыхательный жар, струя «h», попадая в звук «г», начинает вращаться; перекинувшись через «г», струя воздуха падает, звеня, отдается как «ze»: пролетает сквозь зубы наружу в светящемся свисте: звуки «s» — крылья светлого свиста, огни; «син», еврейская буква, — огонь и змея — разрывает зубную преграду; и луч проникает нам в рот; ткань летающих светочей ткется; и древнее небо, тепло, шары, жары горят: веретено лучей блеска бормочет: zi-ze-za-zo-zu, si-se-sa-so-su: это — светолучи; впоследствии оплотняют корнями они; побегут в языках златотеками жара они; «га» — тепло света жизни; «ze» — *за* его, *луч* его.

Струи света остыли в корнях: проросли из корней в языках, побежали в веках, завивая спирали значений; налет посторонних значений (осадков) осел на лучи; все же солнечные корни: zi-si-zis-sis-zir-sir-ris-riz*.

* Все почти обозначенья взяты мной из справочника: Benseler. Wörterbuch der Griechischen Eigennamen. Braunschweig. 1884. К справочнику отсылаю читателей.

«Zir» есть *зир*: *взир*, *взирать*, *дозирание* (и *зренье*, и *зрак*); в корень вписано: зрение — созревает под солнцем, как *злак*: *злак* есть солнечный *зрак*; поле зрения — *зирь*; «sir» — «Siherach» (ассирийское восходящее солнце); «si» — *сияние*; sier — ciel; assir — *кровь* (на диалекте латыни); она истекает из солнца; «sis» — Isis: *Изида* (она — плодородие); «zis» — «dis»: dies, diuus, divus, *див*, *день*, *диво*, *дживо*, *жизнь*, *живо*: «*жись*» — *жизнь*; «zis» есть «dis»; это — *диск*; он — *зиждатель*: *созиждет* *жизнь* и отсюда: *живой*, *живо*, *джива* (*сок жизненный*); *дыат* есть «*небо*» (*санскрит*); и *дыави* — *на небе*. Все значения эти — значения «zis»: они *солнечны*, *светлы*, *зиждательны*, *животворны*; и «zizana» — *порождать* (*зендский*); «Siris» есть *солнечный город*; и «Osiris» — *Озирис*: он — *Озир*, *Озирающий*; Ch-gis-os — *злато* и *физы*: *покровы лучей*.

34

Так же солнечен «ser»: — «ser-as» — *лето* и *жар*; и ser-enus есть *ясный*; звуки Ser-ios — *именование звезды*; это — *Сириус*, что *пылает лучами*: *далекое солнце*; нам греческий *изменяет санскритское «s»* в *придыхание*,

в «h»; «г» смягчается в «l»; понимаем, что «serios» — «selios»; «selios» — «sélios»; звуки солнца по-гречески — производные корня первичного «Ser» — «hélios»; «Serios»; «hell» (светло) — это «ser», Heloreus сын Гёфеста есть «serogeus»; «héloriss-séroris» (гора солнца); «helias-serias» (что есть «солнечно»). Так же солнечны: «sar-sas-as-ias»: «sar» есть «s(w)ar»: «swar» же — «солнце» (санскрит); «zar» — *заря, зареть, зариться, жар, яр, по-жар, зар, азр, язр (ядро, ядреный и ведро)*; *ведро* — солнечная погода; и далее — изменяются звуки: *ведро, едро, ядро, рядо, радо, радеть, radix, ражий, рдр, рудр, рдян*; *ядро* солнечных действий (raz-zog) — это корень вселенной; он — radix; и radix тот — рдяный; «Sas» — именование Зевса; «ias» — *ясен* и *ясень*, дерево, посвященное солнцу; и «iasis» есть *ясень* (сын Зевса); и оттого-то позднее звук «ias» обозначает не только нам ясность: обозначает и «святость»: «iasis» есть святая (есть ясная); «iassis», «iaso», «iasos» обозначения святыни (иль света); и «iais» — красота (что светло, то — красиво); и устремленный к Руну Золотому — *Язон*.

Точно так же и «ze» — обозначает «святыню»; и «Zé-на» есть «небо» (Гомер); «zen» — день; и отсюда: *зенит* и *зенница* (денница); *zez-zezd-zuezd-zwezd* — *звезды* и *звездный*.

Так же солнечны: «zor» зори (взор, круг-озор), «zor» (это – солнечный демон); «Zohar» – книга блесков; «zor» – «Zoroto» (зорото – золото); zor-gor-go(u)г дает «jour»; «roz» есть розовый; розы – зори: розд-рост-род-рожь; и рожай – урожай; порождение – солнечно; роза – «roda»; «roda» есть «роза» (по-гречески); остров Родос – «розовник»; Rodoessa (имя) есть «Роза»; заря порождает нам *родые* (рдяные) розы; «rosa-gosinarodina» (родина, род); мы родимся из роз зори солнца: там – родина.

Так же солнечны *rus-sur*: *suryah* – производное от слова «солнце» (санскрит); «rus» – «ruçant»; это – светлый (санскрит); «ruçant» – русский; «rus» – Русь; она – светень по звуку; и «rusios» – пламенный: «rouge».

Струи света остыли в корнях: проросли из корней в языках, побежали в веках, завивая спирали значений.

Образовавши «z», «s», струя воздуха, пролетая за зубы, меж полости сдвинутых губ образует

два звука: «v», «ph»; проведем же прямую от глотки до губ; мы на линии этой находим ряд звуков: h-r-s-v-ph; то — диаметр, секущий шар солнца во рту: s-v-ph, часть диаметра — свет; линия образования дыма из света находится в линии «s» — szs-zǧz*-ǧzǧ-ǧschǧ-schgsch-schchs-chschch — ch.

«Ch» есть дым; линия метаморфозы звучаний от «s» до «ch» будет после процессом сожжений; струя здесь скопляется в нижне-передних частях нашей полости; «ch» — сгущения воздуха; линия образования первичных зачатков растений есть линия звука: «s» — «z»; в «це» спускаются души растений; лучи-цветоножки летают огнями; изображена на солнце их жизнь: это — вспышки лучей, угасанья лучей в «ц-ч-щ»; солнечный шар полон звуков (см. рис. 5).

Звуковая окрестность:

— диаметр ее есть «ph» — материальность, телесность звучащего солнца; в ней «s» — светогонь; s-z-z-ths-z — цветочности; s-z-g-sch-h-ch — потуханье, сгоранье.

Жизнь Солнца течет; то она пребывает во мраке —

* «ǧ» — условное обозначение звука «же»; «ž» — знак для «це»; «tsch» — «че»; «sch» — ша; «stsch» — «ща», «gwh» — условно восстанавливаемый лингвистами исчезнувший звук праарийского языка.

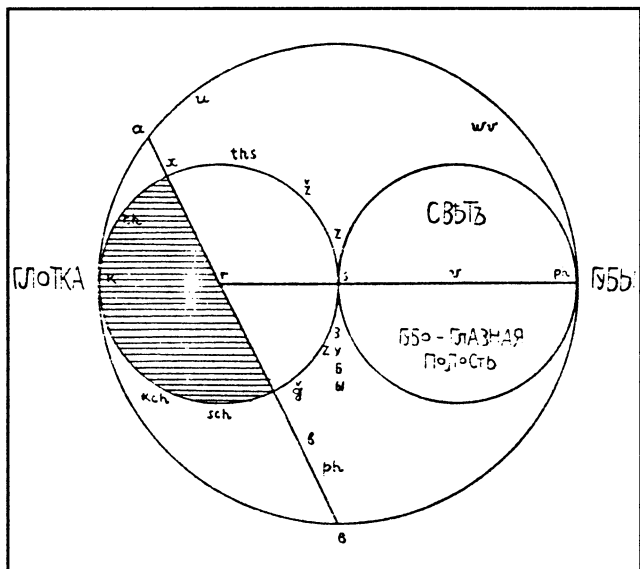

Рис. 5

— в «h-sch», то в ней огонь занимается «ze»-ейными зорями; линия «ab» сечет трепет светочей — вправо; тепло прозябаний — налево; «г» — ядро — колесом катит жизни: и «gaz» будут «Räder» (колеса), которыми Солнце гремело; подслушал их Гёте:

Die Sonne tönt nach alter Weise.

Но этот звук стародавнего Солнца теперь раздается во рту; и не внешнее Солнце звучит: топот внутренних Солнц громыхает нам *белыми громами света*; звук *белого грома* — в ком есть? Белый гром приближается.

Линия «s-v-ph» — световеет эфиром; эфиры Фавора влетают в отверстую плоть.

Их можно узреть: на Синайских горах — Моисея, в огнях Илии, колесницей гремящего; и Моисей, и Илия — в «s-v-ph»; Моисей — это «v»; Илия — это «ph».

«Sv» — sveth; и «rs» есть рассвет: *rost raz-sveta*: согласные звуки — горе: вознесение в тверди гласных — отсюда: отсюда мы слышим гремения грядущего; ныне они уже слышны: оттуда, из далей:

Три огненных дуба на пупе земном,
От них мы три желудя солнца возьмем.

Эти желуди «svph» мира света: свет — *желудь* на солнце.

Лазоревым облачный хворост спалим,
Павлиньим грядущего даль озарим.
А красное солнце миллионами рук
Подъемлет над миром печали и мук.

И:

Колокол наш — непомерный язык,
Из рек бичеву свил Архангелов лик.

На каменный зык отзовутся миры,
И демоны выйдут из адской норы.

В пожар отольются металлом пласты,
Чтоб Солнца вкусили народы — Христы.

В языке языков воплощается весть песнопевца:

Мы — рать солнценосцев; на пупе земном
Воздвигем стобашенный, пламенный дом.

Н. Клюев

Наши чаяния — отблески: «*зирьы*» зари чело-
вечества.

Полуокружность «hs» (см. рис. 6) есть линия замены санскритского «s» звуком греческим: «h» (придыханием); окружность «hrh» — переход «h» в звук «rh»: «хвост» — «фост» (по-народному).

«Rzs» есть блеск; и — философия солнца взлетает из звуков; и можно угадывать слово по звуку; и «Siria» (Сирия) на языке языков означает: *страна теплосвета*; и город Ассизи, родивший Франциска, звучит: *изобилие светочей*; и Франциск, просиявши, слагает: *гимн Солнцу*.

Порождение, семя и рост — из лучей: «si» — сиять; «sise» — *севы сияний* (по-моему); и «sisesa» на языке граждан Солнца суть *севы рождений*: сев — «Sews», иль: «Zeus»; и «Eisis» — плодородие, или: Изидида*; и «ser» или «zer» есть *зерно*, Про-*зерпина*, *Церера*; и «sex» есть источник рождений; и «sesamos» — семя; и «szerti» — питать; и «gas» — из-

* См. справочник Бензелера.

лучение солнца: то *расса* (*rasine*); и «*zag*» — род: и «*zag-é*» (Бензелер) — иудей.

«*Це*» — зачатки растений: лучи, росты, струи; поздней «*ц*» распалось: на «*t*» и на «*s*»; «*t*» суть ткани земные лучей: или — росты (растения); протяжение, распространение ветвей в звуках «*st*» или «*str*»; звуколучие растительных блесков стреляет: *ра-ст-ит*-(ельно)-*ст*(ь); «*ельно*» — ниже увидим мы — это есть влага растений; растительность — повторение блесков; цветы суть огни; воспоминания о лопастях лучевых — в лепестках; так «*str*» в нашей зелени (ветви и листья) суть: *стр*уи лучей, *стр*асти светочей, их *стр*-емления: *Stahlen* и *Strecken*; и *астры* (цветы) повторяют нам «*astre*» или «*светоч*»: *стр*елой лепестка.

39

Воспоминания солнечной жизни:
— *цветок*: «*z-v-t*»; росты тянутся стеблями «*t*»; «*ž*» — горение тканей цветочных, иль венчик; «*v*» — воздух сияний; «*k*» — минеральная почва, в которой *ц-в-е-т-о-к* укрепился; да, «*zveti*» пролучились из солнца на землю: примчались лучами; *земля*: звуки «*rd*» слова «*Erde*» от «*rz*», что есть «*рде*

ные»: горенье; и всякая земность — руда, или *рда*, т. е. «*Erde*»: она — раскаленность; еще: «*Zoroastr*» — звезда утра, где «*zor*» есть ядро: оно — солнечный взор; «*str*» — лучи во все стороны (*streckendes-strahlendes*). Звуки слов «Заратустра» рисуют (см. рис. 6):

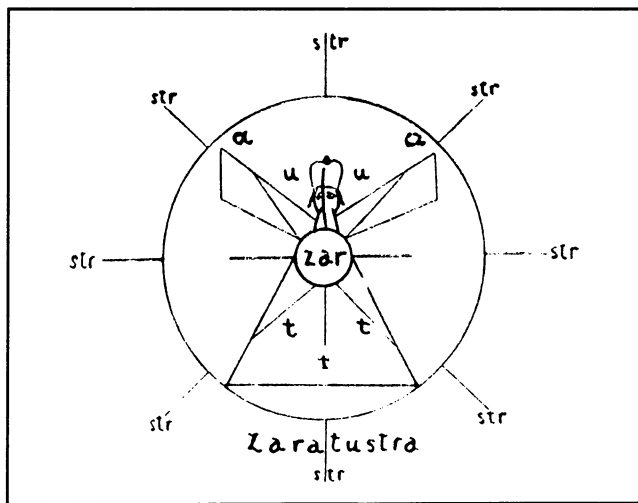

Рис. 6

«Заратустра» есть *распростертый* лучами на все из духовного света-жара души.

«**А**га, га, gas, razaria, reos, ersisios, óseris, osoróe-
ris, aurora, ogoisez» — в толстом томе у Бен-
зелера мы нашли бы для звуков значения поздне-
го смысла: то все — имена, божества, мифологии,
страны, значения, в которых отчасти запал еще
древний их смысл; отрешаюсь от них. Говорю: *это*
все — озаренность.

«Osiris» для меня есть Озир; «ássir» — луч; если
звуками этими именуется кровь в диалекте латы-
ни, поправлюсь; скажу: *кровь лучей.* «Ze, zaa, záia,
ziza, ozóa, ozás, zás, ózis, zes, zeus, seis, sais, susa,
sóessa, sesosis, éssa» — пусть Бензелер выявит смыс-
лы (опять это смыслы); сквозь них проникаю я
звук: *это — ясность.*

Поэт говорит, что:

На каменный зык отзовутся миры,
И Демоны выйдут из адской норы.

На зык «языка» прилетают старинные смыс-

лы; и «hrs» есть «chrisos» — золото-теки лучей; тайна имени «Chrs» есть: *Христос*.

Свет Христов есть свет солнечный, просвещающий все: просвещающий недра; и Демоны, скрытые в недрах, прощенные Господом, Демоны слышат восторг воскресений:

И Демоны выйдут из адской норы.

Покрытые ризой Христовой вселенского света оденутся в «h-r-z-s-v-ph», то есть в ризы лучистого света. В диаметре солнечных звуков (h-r-s-ph) блистает Египет восстанием ликов божеств.

Именованье Египта — Аэрия: «г» — раздаётся; ядро диска — *Ra*: он — бог Солнца; луч, «zar», разверзается *Разумом*; это *Озирис*: сияние — *Is-is* — *Изида*; их сын *Озороэрис* (*Horus*), *зарееет*, как день. Все — плэрома: плэрома «*Chrisos*» или — *Christ-us*.

Восстают божества: *Арзафес* и *Сезорф*; *Феа* есть огонь; *Θοθ* — Дионис. *Seraphi*, лучася у губ, полнокровною молнией падает в «р»: пламенеющий Апис (*Serapis*) священной жизнью является миру.

И все имена — пламенение, огонь и эфир; облакаются египтяне звучанием имени Солнца; проходят Солнчане-Цари: Сисой, Сёсосис, Сёсост-

рис, Сóуфис, Сóстрис, Сесóосис, Усес, Осóрерис, Сéхнуфис, Сéфурис, Сифис, Сисир и Сосác*.

42

Свет Христов есть свет солнечный; и Демоны, скрытые в недрах, прощенные Господом, — Демоны слышат: восторг воскресений.

И Демоны выйдут из адской норы.

Siaerach — восходящее Солнце (по-ассирийски); и *ассириец* есть *Assur*: *Ассирия* солнечна: *Sirius* — лучевая звезда; и города ассирийцев суть злата и блески: *Aruzis*, *Siazur*, *Arizeria*, *Essa*; и — далее.

Златеют нам боги южан: *Assa* — негры; и *asserog* — город черных, спаленных.

Златеют Пенаты старинного Тира: *Zir*, *Zor*, *Sor*, *Sur* (все — названия Тира).

Златеет нам Персия: *Zairi* — золото (по-персидски); солнечный демон — *Zorat*; богиня — *Záretis*: *Царевна*; златеют: *Ормузд*, *Зенд-Авеста*, *Ахуро-Маздао* и *Зороастр* — взор светил.

* Приведенные имена — имена фараонов.

Золотеет Иудея: Zará — иудей (на заре); Serpher (книга) — звук золота; и Zahar — книга блеска; зато ясных имен: Езекия, Оссия, Исаия; и далее, и далее.

Греция — золото: Uranos порождает нам Хроноса; Рея — источник божеств порождает Зевеса и Геру; звук золота: Chr-onos, Rea, Zeus, Hera*; и — zes, zas, zoe, iassis, isos, sozas, sozon, soston, soos, sosis, seis — лучи Зевсова блеска; в перечислении Бензелера то — ясности, святости злата.

И «Chrisaogios» — Зевс; и Chrisor есть Вулкан; Аполлон же есть Chrisios; в ризы Божии ныне одеты Деметра, Гефест, Посейдон, Персефона и сам Аполлон Мусагет, именуяся: *Эрехфей, Ферсефасса, Хефайст, Эризафей и Ахфейя.*

И Демоны, слыша восторг воскресений, оделися в звучные ризы из блеска и трепета.

43

Переливаются светожары; и — нет внятных звуков (сонанты и взрывные не оплотнели еще); в моем пламенном рту все какие-то громорогие самороды; ушел к себе в рот: подсмотреть миро-

* См. справочник Бензелера.

здание речи; и если бы подсмотреть образование материков и морей её жизни, образование трав, рыб, всех гадов и птиц языка; если бы я восстал у себя самого (в своем рту), я вторично родился бы, назвал все вещи.

Пародируя себя самого, я скажу:

— Сознание, обнимая мне собственный звук, переживает, пока этот звук в Непроницаемой необъятности; тем не менее, звук, проникаясь сознанием, пучится ростом; моя брэнная мысль не вошла в тело звука; и — в месте звука еще не ощущаю провал сознания; если бы

— мне суметь войти в звук, войти в рот и повернуть мне глаза на себя самого, стоящего по середине, внутри храма уст, то не увидел бы языка, зубов, десен и мрачного свода сырого и жаркого неба; я увидел бы небо; увидел бы солнце; космический храм бы возник, гремя блесками,

— и оттого-то все то, что меня окружает пространством и светами, *звучно* мне говорит: *звучом* ведомо мне.

44

И аз, Аз, Азия, Азы — влетает в Европу старинным звучанием: из Азии. В Кабалле «Азией»

именуется эфир света, невидный обычному оку; посвященные «Азию» видят; может быть, проступает она на заре: может быть, «Назарея» она, эта Азия; она — страна Господа; Азия — свето-воздух, и «Азии» нет на земле, где она, там и Рай — Все-Азия; он — *Пант*-Азия; он — Фантазия; но Фантазия есть: там, за огненным облаком. Плывет облачный город, зажженный лучами; оттуда спустились мы все — из *зарей*, *зарй*; «*назарейми*» были и мы — *на заре*. Но оттуда теперь гремит гром: брызжет молния; это — меч Херувима: стоит Херувим в облаках — охраняет Эдем.

45

Знаю я:
— страны света спустились лучами из древнего солнца: на зефиротах-лучах (зефиротами «*Sepher-Iezíra*» зовут лучи мудрости).

Где она, Зефирея?
Пропала она.

И сохранилась — в *фантазии* греков: да, верили греки, что где-то в Индии, в даялах, блистает

«*златая земля*»; и золотую ту землю назвали Зофейрой, Офейрой.

Да, знаю:

– Офейра – сияние, сказка лучей; то – Эфирия; но эфир охлаждается воздухом; он – Аир.

В древней-древней Аэрии, в Аэре, жили когда-то и мы – звуко-люди; и были там звуками выдыхаемых светов: звуки светов в нас глухо живут; и иногда выражаем мы их звукословием, *глоссолалий*.

Не встретит ответа
Средь шума людского
Из пламя и света
Рожденное слово.

«Re-Ra-Aer-Aes-Ao-Iao-ia».

И раздается, как отзвук далекий: «Я-Аз-Азия», «Ра-Ар-Яр», «Зар-Жар-Шар»:

– Zaratos, Zarei, Zaratustra!

Аэрия, милая, – звуками, переливами слов среди убогой, разбитой, разорванной жизни тебя вспоминаю: приди!

«Аз с вами до окончания века».

Утончая в зубах свисты «s», мы услышим поднятие линии свиста; в тончайшей субстанции шума звучит голос тона; «s», точно око, откроется в «i». Продлим звуки «rh»; губы вытянем; сложится безотчетно движение глотки — такое, как в «u»; и звук «rh» оборвется на «u». «Si» и «phu» порождают «i», «u»; в световых утонченьях — излитие тона: в светящих эфирах согласного мира — эфиры звучащие гласного мира; око света есть звук; в гласном звуке слагаются одушевленные множества: «i» и «u» суть пределы; и «e», «a», «o» — между ними.

Полнота души — «a», — вылетая из недр существа, вместе с «ha», полнота души, — «a» — невоплотима в Сатурне, в тепле, в «ha», в *змеи*; в хрипах шума, в «kaḥaḥ»* — уже звуки душевного действия; в Сатурне, в неслышимом «a» страх пространства и времен существует, как «(a)ch»; выход глотки расширен: и зубы и губы разъяты; и «a», пролетая сквозь них, излетает из них; в нем и боль беспредметности, и страдания перемогания дали; оно пролетает чрез все на свободу; и там поклоняет-

* «Крик» по-санскритски.

ся Богу; благоговенье — в «а» позднем; и ужас — в «а» раннем.

«Е» поджато скоплялось у верхнего полушария полости, изливается из растянуто-суженных губ; половинчатость, колебанье, сомнение, но — зоркость, ведущая к мысли, есть в «е»; наблюдение, зрение, явление — в «е»; мировоззрение возникает из «е»; если «і» есть Мария, то «е» — это Марфа.

В «і» — упор струи жара о верхнее нёбо, часть жара летит через нос; под покровами «п» и за «s» — «і» звучит; если «п» — глубина водной влаги, то только в «in» — тайна «п»: *intra, in, inn-ig, inn-ere*; «е» и «а» созерцают «і» снизу; и оттого-то: восхищенность в «і»; «і» — орел (клюв орлиный): орел подхватил Ганимеда; «і» — горнее «а»: боговоззрение (Теория) — горняя мысль всей природы; природа сознания в «і»; в далях «о» в беспредельности мирового пространства, «і» — блески: «і» — звездочки. «I-e-a» есть сошествие Духа; и «а-е-і» — вознесение; говоря себе «іа», то есть — «я», звуком слова уже утверждаю двойную природу; «Я» — значит: *«Во мне что-то высшее...»*

В «о» воронкой слагаются губы; и воздухом полнятся полости рта; полость рта — просто «О»; внутри образуема вещьность согласного мира; в

схожденье души «О» — душевность ребенка: «т» — плоть; до рождения отношение к телу души таково: «От», что значит: внутри «О» (души) зреют «т»: ткани плоти; лучи с периферии (от «О»), проникая в «т» (плоть), образуют чувствующее нечто в зародыше: в «О» большом теперь круге из «т» (плоти); внутри круга «т» зреет малое «о»; оно связано с мировой душой: с «О» большим:

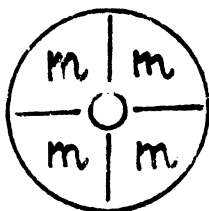

Рис. 7

Это — крест в круге «О»; и четыре розы (кровь плоти) вокруг креста жизни; посредине стоящее — «я»; «т» — четыре животных; а «о» («О» большое) есть — зодиак.

В первых мигах сознания «я» и «все кругом» — связаны: сознание в теле — невнятно; оно в «О» (большом), образующем зодиакальные блески; и эти блески в ребенке потом еще живы, как в сказке; с зарастанием темени отрезается голова и рот

(эти малые «о») от космических веяний; самосознание человека всю жизнь пребывает уже под покровами черепа; для сознательной связи с космическим «все кругом» нужен крест мудрых знаний: распятие мудростью.

Смерть есть вот что:

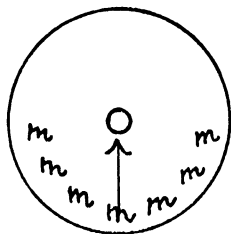

Рис. 8

А после смерти имеем:

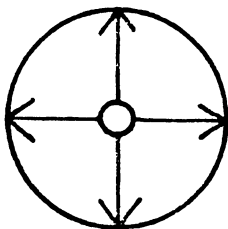

Рис. 9

Малое «о», расширяясь, сливается с мировым; и бездуховные люди в том мире теряют сознание личное; они там «О» большое.

В «О» все области глотки и за-зубное пространство отрезаны; полнится воздухом полость; то «а» — изливается вниз; и — яйцо образовано: *ovo, ото*; слагается «*homo*»; в «о» слагается «*om*», отлагая душевную чувственность; звук «Ао» — Адонисов; но в Адонисовых культах есть «*i*»; тайна звука «Ао» — *Iao*; Адонис не «Ао»: *Iao!*

В «и» отчетлив глубокий колодезь гортани; и «и» первородно, как *U-h-r*; в «и» мы чувствуем глотку; и кажется: канут в прошедшее, и не будет порогов рождения; в младенческих мирах есть память о до-рожденном; припоминается: коридор (стенки «*ch*», посредине которого «и», т. е. *хрипы*); и в «и» возникает нам «*Uhr*»; «и» есть звук первородный.

И «и» в шуме «*ph*» — звук последний, за-*ph*-ейный; «и» — звук зефирейный: так в «и» мы рождаемся; в «и» испускает дыхание: «*Uhr*» — *phu*; посредине течет наша жизнь: «*Uhr*»-(*zé, vie*)-*phu*. Дух природы есть «и»; и природная жизнь течет в «и». «*U*» — колодец души в нашей плоти; в «о» он расширяется; через отверстие полости рта, через «о», излетаем мы в «а», в мир души: «*l*» — душевные существа: это —

внешние мысли и внешние чувства «i» — духи душевности; «i» над «И» есть звезда над ущельем.

46

Возникал третий день*.

Атмосфера теплела; и вдруг озарилась, как память; и вдруг просветлела, как солнце, она; день второй. И вселенная сотрясалась от мощного гласа, летевшего в центре: из глубины. Серафимы впервые склонились: сияющий диск, протянувши лучи, как рога, мелодично запел; в огневые пучины родные пучины звучаний излили, как мысли; и мысли входили в огни; были тучами ангелов, образовавших в огнях парообразы: краски на свете; и краски мутневшего блеска еще кипятились теплотами; свет отделялся от них, утончаясь звуками; и, охладнев, они хлынули в лоно Луны волной вод; было ныне два тела: сверкавшие светочи; и их отраженье — зеркало: Луна.

Третий день есть Луна.

В ней роились животности; тело вселенной теперь состояло: из звука, из света, из жара, огня и из линий хладневшего пара.

* См.: *Р. Штейнер*. Очерк тайноведения.

И – третий день звуков. Рассветная атмосфера тепледа: «Chrs»; вдруг озарилась она: («chrzsvph») просветилась; вселенная сотрясалась от мощного гласа, впервые сошедшего в свет из глубин обстающих: *Хризос!!* И двенадцать созвездий излили в лучи свои звуки; сияющий диск, протянувши лучи, мелодично запел: «i» и «u» (в «s» и в «ph»); произошло разделение линии диаметра шара (chrzsvph); «svph», отделяясь, летело в эфирные сферы звучаний; а «r», оторвавшись от «s», оплотнел, охладел, изошел влагой «l»; «rei», «egei», стало нам лишь «elei»; «эли», «олы» (Эолы) и «алы» точили «эн-эмму» влагу. Образовались хлады: и – хлынули хлады волною в хладневшее лоно.

В языке не нуждаемся мы, произнося «h», «s», «v»: прикосновением воздуха к глотке, к зубам и к губам образуем легчайшие «es», «ve» и «ha»; шумы звуков струи суть *спиранты*; во всей группе арийских наречий спиранта лишь «s»; но бывали

иные спиранты; все звуки на солнце — *спиранты*; а звуки луны суть *сонанты*.

При «г» нам играет язык; начинается новая линия звуков; касания полости, не спирая струи, начинают звучания: *рѣ-рѣ-ль-нь*; в «рь» язык образует дугу; в «ль» — спинкой язык прикасается к нёбу, где в «нь» — его кончик; тут — плотнение звука согласных с отходом пути от диаметра выдыханий (жары); в линии «eln» — отлагаются воды; у самого очага выдыхания — «h»; оно — жарко, безобразно; «n» — прохладно; «h» (позднейшее) — газ; «n» — вода; промежуточный «l» (столкновение работы тепла с влагой «n») — образует пары; «rln» — струей утекает из «г»; утекает от линии солнечной линия лунная; выделение луны из старинного тела (из Солнца), образование нового Солнца (вне полости рта: меж покровами губ и зубами) изобразимо графически (см. рис. 10).

49

Луна, охладняя, старинные корни влажнит: свет во рту теперь — влага во рту; например: «hris» (chrisios) на Луне, среди влаги, становится «hlith» или «lith»; корень «li» удвоится, образует

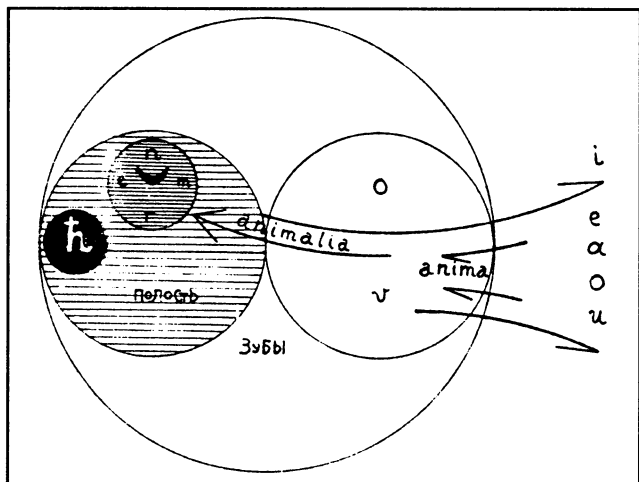

Рис. 10

«lilith», что есть *тьма* по-еврейски (не первозданная, лунная); так «lith» (иль «lilith») — утекла из светящего «hris»; звук «Lilith» — звук отставшего духа Луны.

Звук земли раскаленной — «harez»; на Луне он — «haleth» (холод, kalt): охладевший «харец» хлынул хладной волной; и имеющий лунное знание о звездах — Халдей. И Халдея — Хладняя. В дне четвертом, в Земле, harez — клад, или kalt: всякий *клад* — отложение — лед; «лед» на солнце есть «gez»; в кус-

ке льда, в твердом камне — нам *резы*, нам *розы*, нам *грезы*: о *блесках и трепетах*; «золото» — охлаждение «zorosо»; собственно «золото» — *желто*, иль «zolto»: «zolto» хладнеет сам в «golto», иль «goldo»; немецкое «Gold», как и русское «золото», — *клады* и *хлады*: *сгущенья лучей*.

«L-n-m» (*элементы*) — водой обливают они; и «li» — «лить»; при смыкании губ «v», назад отдаваясь, падает в воду; и резонирует в полости, неподалеку от «n», превращаясь в «m»; это — путь погружения животных зачатков во влагу.

Прикосновения языка в «t» и в «n» однородны; но — разность: при «t» образуем затвор; и оттого-то «t» — взрывно; «n» — звучно и длительно.

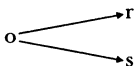
Градации опусканий растений во влагу — «zln-sln-zn-sn»; блески, желтея, становятся *зеленью*; звуки «zeleno» — «zln»; и как «nt», и как «nd» из воды поднимается *зелень* на сушу.

С выделением света и корни «sr» делятся: «s» вылетает, а «r» упадает, как «l», или «ln»; и «sir-ser-sar-sor» теперь — sil(n)-sel(n)-sal(n)-sol(n); но «s» истончается в «i» (il-iel-ial); эти «илы» и «алы» пары, уплотнения.

Например: корень «sor»; распадается он

r ←————— o —————→ s

«О» — полость рта; в «г-л-п» изливается «г»:

И далее:

s
o
n
n e n
n e n
n

То есть: S-o-l-n — *Солнце, Sonn-e, Soleil, Sol.*

50

«S ol», латинское солнце, — поверхность свечений; «sol» — действие света извне; а «sog» — самосвет; солнце в «sol» — только сон об исчезнувшем, самосветящемся теле; «sol» — поверхность свечения. Космический образ встает:

— грива волн, закипая, сшибается: бегают *волны* «ol-oln»; великолепие блесков лежит на «ol-oln» золотой пеленой; лучи прогревают и водную толщу (in, innig) и «l», испаряются: «wl»

— Wlowolah wolwolah —

— волоха —
— облака! —

— *волочатся*

волеем (Бореем): *voler, voile, volo*; «v» — ветер — заденет «oln» моря: «volna» — образуется; в «я» выделяется «к» (соли моря); и на кристалльной, зеркальной поверхности соли «ze» искрится: *salz, sals, hals*; и звуки «соли» до дна проникают нам «соль». «Salz, sals, hals: то — «Сольц Солнца».

В звуках «Solnze» и «Sol» — одинаково вписано: «соль». Языки отмечают все поздние следствия солнечных действий — процесс осушения влаги (Olnz-Solnze) — причиной действий: светилom древним; наоборот: отражение Солнца на влаге, предшествующее образованию соли, — латинское «Sol» наш язык назвал: «соль». В немецком звуке «zl» равномернее вписан в звук соль: немецкая соль — это «Salz».

Но — почему нам гласит наш язык звуком слов: «Солнце — солоно?» Потому, что «sol» (солнце) — не солнце (которое — *sof*); «sol» — иллюзия, отражение на влаге, которая — солона; в этом смысле лик солнца на влаге морской, как и влага, — соленый; впрочем, может быть, звуки «соли» в звучании «Солнце» имеют иное значение: «Солнце — *солит*» (осушает моря), и мы вновь переносимся в давнюю эру, когда высыхала земля:

— все туманы, мешавшие видеть, редели; остатки атлантов увидели — ослепительный диск; Атлантида, ушедшая в волны, блистала вершинами кряжей: островными сушами; суши, блистая солями, росли из потопной воды, образуя заливы, уступы; врывались в заливчики волны, вскипая там златами отблесков; и, подлетая у берега клочковатою пеною, летя по пескам — по солям — как стеклянные полосы, пролетали в озера (лить соли); и — хлынуть обратно; и соль — отлагалась.

Вот рассказ этот в звуках:

WE-ol: wol-woln; soln-saln-seln; chlin-nz-zk-k: ktz;
w-zwt.

Что он повествует?

«We-ol» —

— облака —

— и «weoln» (волны моря)

бегут; солнце — светит: sol-son! И, тончась на песках, золотая струя пролетает: seln-siln! И вот хлынула в озерце: в нем осаждаются соли «nze-ze!», в нем растут берега «ze-ka-ka!» И — трава (ti-te-ta) зацветает («ze») цветом под «v» — вольным воздухом: и «ze-ve-te» — качаются.

Вот какие картины нам вписаны в звуках: их надо уметь прочитать; все звучанья — рассказы, заветы, наследия, мифы.

Сочетанья *спирант* — сочетания светочей; влажные краски — *сонанты* III — желты, а *zln* — зеленеют; в «zn», в «п» — голубизна, синева; фиолетово «т»: отликает пурпурным.

Субстанция моря нам яснится в действиях солнечных: «*sln-zln*» моря есть: *зелено, солоно*; «*vln*» — волнисто; «*sin*» — сине; «s» на «*in*» — свет на тьме глубины; он дает синеву; «*sin-sin-sin*» — *синерод, синева*.

«М» — мистический, кровный, плотяный, но жидкий звук жизни во влаге: в нем тайна животности.

«*Am-am-am*» — на ассирийском суть звуки глубоких знаний; «*Om*» — звук медитации; тайна Троицы Индии (Вишну, Брама и Шива) — в умении произносить этот звук открывалась: дыхание, выдыхание и задержка воздушной струи — в соединении с этим звуком; «а» иль «о» перед «т» показывает, что плоть нам сгустилась в душе; звуки «*am*» есть любовь: она — «т» внутри «а»; звуки «*та*» — звуки «а» внутри «т»; это «*тата*», нося-

щая новую душу (дитя) внутри плоти (mammalia). В перекрещении «s» и «m» освещение плоти животной струей световую; «sn» есть «сон», «sm» — сознание плоти: «Sam» (самость) и «sum» («Я емь Я») здесь сокрыты, «som» — Сома (знак тела живого), «sem» (семя его).

«Iam» — «я емь»: означает — «я емь»; и отсюда: «eimi» («емь» — по-гречески); наоборот, «mia» — «мя» означает страдательность: «мя» — безымянность; под «мя-мя», под «ма-ма» вся жизнь еще скрыта; в звучании «мя» — полу-«я», несвободное «я», прикрепленное к «m» (материнскому организму); и оттого «мя» — зародыш; плод брака «a» с «m», плод любви (amo, amor, amare, ami) и есть «мя»; с появлением на свет это «мя» теперь *Имя*: «И» — сходит на «мя»; это «И» (это Ich) — монограмма; она — I. Ch. (Jesus Christus).

«И» — духовность в «m» (плоти) преобразуется в индивидуальное Имя. «Im-am» — обладающий («имам», «имею»); «имам» — индивидуум, власть имеющий: мусульманский *имам*.

Сочетание «am» с звуком действия «ag» есть «amare»; то значит, что *действия* «a» над животностью «m» проникают душевностью; «m» — звук душевной любви, но не всякой любви; он — «ama-

ге»; но «таге» (без «а») говорит сочетанием звуков: «т» — *действует*; и это действие «т» без «а» — страсть, сладострастие; и «таге» есть *море*; и страсть, сладострастие — только без «а»-мная «амог»; то — «майя», то — *море*.

«Іт», «ат», «от» суть первичные корни; вторичное обрастание звуками их переменяют жест звуков: «от-јот-дом»; «јот» есть «день» (по-еврейски); «дом» — дом; появляются смыслы постройки и дня; когда жест звука «от» есть таков: «т» внутри «о», то он означает, что «о» окружает животность; слово «дом» в первоначальном значении значит: «d» — «от» обстает: Дом «д» — место: пребывание «ома»: *дом Ома* (дом Божий); «dam» — в себе держит «ат»; «ат» — любовь; и «dam» — «дама».

Соединение крестного «Сhrг» с звуком «ат»: крест душевности плоти; «ch» для «а» лежит в «т»; и образуется звук ch-a-g-a-m: «*Chram*»; «храм» — распятие духа в телах; храм есть плоть, восстающая к духу чрез крест; «chram» есть «charm»; «charma» — карма: причина вхождения в тело; и следствие этого: «Chram» — перестроение тела по образу и подобию духа.

Обратно течение звука в «тгch»; и — дает: «тгach» иль *мрак*; и «тгch» значит, что «т» подавляет дыхание действием; и дыхание «духа» от-

ходит; и «ch» засыхает, становится «k»: *морок, меркнуть*; «mrt» — *mors, mortis, смерть, умер, смерч, море, марево, мойра, смрад, морок*.

53

Впечатления звуков — мне записи: лепетов лунных; Луна изливается в речь; и туман лепетаний, и —

— «Newelung» —

— возникает:

льет ливни; и — увлажняет все смыслы; объяснение — излияние влаги; менения, мнения — ритмы; и льются фонтаны.

Преображение памятью прежнего есть искусство читать: в звуке — смысл, потому что за лунными звуками — образы лунной жизни; она — Существо, породившее жизнь на земле; языки, истекая из солнца, в Луне обливаются влагой; *сонанты* суть ливни над поздними *взрывными*; впечатление лунности — впечатление бывшего с нами; а в существах жизни звука — в словах — существа иных смыслов смешались в обычные смыслы; и ритмы слов — сфера, меня изливавшая некогда:

— «эль-эм-эн» —

— в лепетание

воды — лепетанье Луны: *luna, lune, lumen, луна, Mond, mensis.*

54

Луна простирает туман лепетаний: и старые звуки Сатурна «*goeueig*» овлажняются паром: «*loeueig*» (лунный свет отраженный) «*loeuewl*» изольется дождем.

Луна простирает туман лепетаний: и —
— *newelung* —

— *лется по лунному лону изменными менами*; и он — «*lwel*» (или светоч из пара); и корень «*li*» означает, что нечто течет* и «*lin*» — это *лннуть* (лхнуть); «*lino*» — я *действую влагой*: я — *мажу*; и «*liun*» есть «*liwn*»: *ливень*; *lauina* и *ual* суть изменности: *лава, лавина и вал*; и «*uolna*» есть *волна*; «*neuel*» — «*Newel*» (иль «*Nebel*»); и *Newelung* — *Нибелунг*; *uolk* — это облако; *Wolk* — это *волоко пара*, иль *вара*: *вал вара*:

— подобные образования — «*luewl*»'ы, иль «*wlewl*'ы: *явления, влечения*; *uolni* — *uoli*; и волны здесь — «*воли*»; в них — импульс сошедшей живот-

* М. Потебня. Мысль и язык.

ности; влага движения — жизненна: Newelung —
Существо, и он — Миме явлений: их — *мим* —

— подобные образования словес отражают
нам звуками: подлинно бывшее; жизнь Луны от-
ражают они; и они — привидения в нас; существа
прошлых жизней во мне образуют туманы значе-
ний: текут перемененно; и — образуют мне смыслы.

55

«**L** in-len-lon» — истечения: *в лоно Луны; и Lena, Hélena* есть *пена* явлений. Нет *ставшего* об-
раза; все — *становленье*, как сон; и отовсюду: лия-
нье явлений: и *волна* и *лавина* (*ливень, льют*) *в ме-
нах пены явлений мнут*: *развее*тся *волох* (иль
Volk); и *явленье* утонет — *в волне*, и *волна* — *изольет*ся.

Впечатления образов слова суть *мены*; волно-
образии *льющих* струй, образуют *image* (*image*);
встает — *мена* образов; впечатление образу-
ет: потом *расструит*ся оно; и опять оно — *веянье*
мены менений (*мгновений*); понятия — нет; вместо
мысли *фонтаны* и *пульсы*: то — *uolia*; то — *воля*
(в животных зачатках); она во *мгновениях* — *влече-
нье* к *уменью*: *меняться*, *качаться* и *литься* на стру-
ях; и *potina* (образы струй, *имена*) через *volo* (хочу)
через *polo* и *malo* — уже *animalia*.

Работают ангелы над зачатками тела, струя свою мысль; и *поятие* мысли становится *волей* в телах, чтобы некогда укрепиться понятием в *animalia*; и *animalia* — *anima*; *animatio*, *imaginationis*, *imaginatio*, *machinatio* изменяет *менение*, *мановение* в *мнение*. в *Manas*.

И «lin-len-lon» *излияний* становится в действиях ангельской жизни нам:

— «min-men-man» —

— («v», спустившись в влагу, есть «m») —

— *мин*

овение, *мен-ение*, *ман-овение*: *mine*, *meinen* и *Mann*.

56

И оттого-то понятие есть *поятие* изменений обставшего мира: изменение мира в себе; но изменение мира в себе — изменение мира вокруг; революция мира вовне лишь этап революции; и — начала ее: я могу лишь отвергнуть отживший каркас мне меня; но во мне он не свергнут; свержение *царя* у себя в голове, если царь тот *абстракция* мысли, есть внутренний акт революции; мы должны отрешиться от старого мира *внутри*, если волим к строительству нового мира вокруг. Мало только *понять*, надо — *взять*: *взять* в себя.

Образ нудит нас видеть; и — не дает прощаний; видения революции носятся; и — большинству непонятны.

Что мы видим извне — часть возможного: пункт круга видений; мы по *пунктам* читаем круг мысли; но чтение мыслей по пунктам — не мысль, а алфавит к сложению... мысли; умение прочитывать текст не означает умения понимать; и умение чтения процессов — механика мысли — закрытие мысли.

Понятие — модели процессов; процессы — подвижны; понятия — стылые буквы; в понятиях происходит процесс сочетания л, ю, б, о, в, ь; в «л» любви не находим; в «ю» — нет ее; в «б» — отсутствует содержание; если смысл в элементах (молекулах, атомах, буквах), — *любви* нет в л, ю, б, о, в, ь, здесь дано сочетание «л» с «ю», плюс «б» с «о», плюс «в» с «ь».

В аналитической логике тот же ход мысли.

57

У мозаключение — связь суждений; суждение — в понятиях (предиката, субъекта); понятия

определяют его; но они — категории (буквы); и «свет сияет» — дано в категориях: *действие, качество*; третья Кантова группа (законы), вторая (материя, «нечто») а priori вписана в «свет сияет»; и потому в a priori вписано: *динамический принцип!*

Так мы мыслим: любовь — связь слогов: лю, бо, вь; слог — два звука (л, ю), смысл не в «лю» (лю-тня, лю-тик), а в л, ю; «л» — есть категория: «мягкая плавная»; «ю» — есть «гласная»; «лю» любви плавно, гласно; «бо» любви *взрывно-губно* и *гласно*; так — далее...

Но «любовь» есть иное: есть пламень, есть жизнь.

58

По отношению к понятийной жизни должны мы сказать, что она есть умение прочесть «свет сияет»; и — только; «свет» — нечто, иль — *качество предварения восприятий* (по Канту); оно есть — *материя*; ergo: свет может быть дан лишь *материей* света, светящей средою; «сияние» в a priori (Кант) есть *динамика*: так *динамика материальных частиц* (физикальная теория света) есть правило чтения текста природы без понимания его.

Составление понятий — умение чтения; и — не-
умение мыслить; должны совершить перепрыг:
к внепонятийным смыслам чрез «л, ю, б, о, в, ь»
к смыслу слова *любовь*.

59

Трагедия пониманий словесности: *становление*
опознается продуктом процесса, понятием:
круг мыслительной жизни — защелкнуть.

Становление — первое и последнее мысли: ее
середина есть то, что стоит; что не движется — па-
дает; так понятие, связь их, впадает — в номенкла-
туру: в звук слова пустого; стояние мысли — сто-
янье в момент; моменты летят; и понятия в них
улетают; и не по воле своей, а по воле носящей
среды; кинематограф мыслительной жизни, ассо-
циация мыслей без толку под маскою термина —
хаос: обратная сторона номенклатуры понятий.

Видимость мысли такую могла бы не быть; и
могла бы быть мысль клокотаньем кипящих, све-
тящих, звучащих, поющих существ; логика фило-
софии есть пейзаж мирозданий (воздвигнем все-
ленную мы) —

— неизвестной, не бывшей планеты; так Зем-
ля развилась из Луны; мы работаем мыслями над

планетою *имя рек*; предположим — Юпитер ей имя; излучение мыслей в слова уподобляемо излучению ангелических мыслей в зачатки животных; и, люди, мы, — в дне четвертом земли; и мы ангелы на... Юпитере, где чувство-мысль-воля со-ткнут тверди, воды и земли; слова суть тела; предложения речи — поступки; слова — это ясли, в которые сходят еще не рожденные души, идущие коридорами устрояемых мыслей во храм воплощений; под нашу кожу мысль — существо; но она — только кожа существ существа наших мыслей; и оплотнеет... «Юпитером». Теми же коридорами ангелических мыслей мы шли в день Луны, чтобы прийти в день Земли к пейзажу, обставшему видимость; пейзажи природы — застывшие мысли духовных существ; их понятия, ставшие термином; механический взгляд на природу — ассоциация мыслей без толку отставших существ на Луне; мертвый мир — маска духов отставших, просунутых в нас из Луны.

60

Мы суть ангелы строяемых мыслей (понятий своих); наши мысли себя ощущают жи-

вотными особями, по отношению к которым мы — Духи; эти особи смутно чувствуют то, что влагалось в чувства существ лунной жизни; несут беспросыпные сны: пробуждение к жизни есть шествие коридорами снов; это — путь посвящения в условия нашей действительности:

— *первый этап посвящения: хлынули волны в холодное лоно Луны («lin-len-lon»); это мы лучим мысли; —*

— *второй этап: все лишь Майи, менения, мимо, мгновенья, моменты, движенья, фонтаны (мыслительной жизни вне нас); залетала она (мы — струим) —*

— (при концентрации мысль оживает вне нас: мы не мыслим: нас мыслят, в нас мыслят; так себя ощущали ангелы в миг отделения нас; мы лучились из ангелов; и мы — лучим мысли) —

— *менения, мимо, моменты (фонтаны струистого пара заметны зачаткам); отображение мены — imaio, imaho, imago: имею, имение; переживание времени, струй есть имение, мены явлений в себе; а это есть мимика, мина, манение, мановение —*

— *третий этап: манение имений, менений (имение мимики) есть первое мнение; оно — мина: мимический жест: от animalia к anima.*

Концентрация — путь к медитации; медитация не размышление, а *узнание мысли* живой; контемпляция есть слияние с ней; но живая мысль — дух; наша мысль — отражение существа жизни Ангела; и *узнание Ангела* мысли есть путь посвящения от земли до Юпитера (сущность лунного мира вскрывается тут); контемпляция — переживания себя, как Архангела; тут Луна разрывается в Солнце; мы — видим Солнце: Демона Демонов; до-христианской культуры; по слову поэта к нам.

...Демоны выйдут из адской норы...

Sierach — Ассирийское Солнце восходит; восходит персидское солнце: Ахуро-Маздао; «Swar» — санскритское солнце, и «*Hélios-Serios-Sirius*» блещут. Все Демоны — в золоте.

61

Первоначально «мим» — маг; «*mime*» дух по-литовски (так кажется); он *мим минований*, *имеющий* Майю: *менеющий*, *мнящий*, *манящий*; и *machinatio* — умысел жизни; *machina* есть смутное: *taino*; позднее прорежется: *meinen* и *Meinung* (мененья); имажинации уплотняются как *машины*; машина есть воплощение наших мыслей вовне:

их уродцы, гомункулы; вместо творчества будущей ясной планеты — понятия, искажения мысли, плотнят недоумные образы: то — машины; машины себя ощущают уже; это — ясли, в которые сходят еще не пробужденные в плоть саламандры, ундины и сильфы и гномы былых мифологий; динамит — саламандра; рычаг — это гном.

Механический мир воплотим нашей стьюлюю мыслью понятий; он — зеркало остановившихся духов Луны.

62

«**L**in-len-lon» — изменений стал «min-men-man» жизни мысли: имагинация в нас развивает способность подсматривать зарождение теперешней мысли из мимики ангелических лунных танцев: *менений*.

«Men-man» изменений ложится основой в арийских наречиях: *brah-man*; родительный *brah-man-ah*; дательный: *brah-man-e te-top-a* (я стремлюсь) переносит свой смысл и становится: *тетно* (я помню); *стремления воли* позднее есть память о них; и эта память о них — уже юная мысль: *воспоминание есть начало мыслительной жизни*; и оттого-то в нача-

ле живой земной мысли, в воспоминании, возникают картины Луны (т. е. образы снов); и эта мысль есть *фантазия*: копия древней жизни; по образу и подобию жизни минувшей слагается в нас мысль живая, грядущая; *tnaotai*, *tetini* (вспоминаю и помню*), *metoia*, *mintis*** и *minds**** — звуки памяти; и в этих звуках раскрыты нам *сущности* памяти; то «т» «п» — *миновений*; нам лунными звуками вскрыта Луна; то, что с Луны в нас *осталось*, — «т», «п»: *teht*, *taeo*, *tpat* — это звуки того, что осталось: нам на земле, в новой жизни; то — мысль, понимание:

— «*magti*» есть «*понимать*» (по-литовски); и «*тана*» по-зендски есть *мысль*; «*танаһ*» — мысль (по-санскритски); и *tan-ta*, и «*tan-tra*» — молитва (санскрит); *tan-as* — ум; *tan-am* — я *понимаю* (армянский); «*подумали*» — *tan-n-ate* (по-санскритски); *мнить*, *манить*, *мнение*, *умный*, *ум* — то же по звуку; *tein-en*, *Meinung* — *мнить*, *мнение* (немецкий); *иметь на уме* по-литовски есть *tin-eti*; *ten-os*, *ten-s* — ум (по-гречески, по-латыни); *ten-me* (древнеирландский) — ум тоже; и тоже — *внимание*, *вонем*; по-готски *tin-ait* означает «он думает»;

* Греческий и латынь.

** «Память» по-литовски.

*** «Память» по-готски.

— ясно, что думы суть поздние *мины*, *манение*, *мимика*; но эти думы застыли; и лунная Майя (меняю есть *тауе** и мена есть *tainas*** , застывши в понятиях, образовали нам *Meinung*, иль — *общее мнение*, серое, пошрое (*allgemein* и *gemein*); «*mina*» — дух по-литовски; но в оплотнениях сохлой, понятной мысли уж «*mina*» не дух: Миме, Нибелунг он.

63

«L-m-n» — элементы, стихии, течения подсознательной мысли; но подсознание наше — сознание в Ангеле; и, овладей мы стихийными, элементарными токами, скрытыми в мысли от мысли абстракций, мы овладеем сознанием Ангела: и жизнь Луны — нам откроется.

«L-m-n» — звуки лунные: убегают в пучины; в «m», в «n» мысли — загадочные змееногие мифы; через *potina* все *anitaba* превращаются в *anima*; и обычное *taino* и *тана* тогда просветится и станет: воистину — мудростью: Manas'ом. «Manas» — чтение «*potinum*»; «Manas» не Майя обычной, затасканной мысли, которая — и не *мысль*, а м, ы, с, л, ь: набор букв.

* Санскрит.

** Литовский.

Мысли в Manas'е суть текущие организмы: звуки мысли здесь мыслят себя; и наклоняются, как Титан — шептать смыслы: так мыслили: Ману, Манес. И название *Manu* означает: *имеющий мудрость*.

В день третий, в Луне, — создаются три звука; они — *элементы* субстанции лунного шара: она —
— l-n-m.

64

День четвертый.

В начале его повторяются первые дни: выделяется свет; возникает Луна; тут начало творения мира по Библии; люди нисходят из мыслей духовных: влучаются в тело; пронесшие крест воплощений (Начала, Архангелы, Ангелы) — духи.

Зовут Божество.

И оно наклоняется к миру: спускается в круг Элогимов, соединяя его; соединение Элогимов, единство сознание его, есть божественный отблеск на нем; ему имя — Ягве-Элогим, соединение зачатков, единство (сознание) их; это — луч Элогимов, Ягве, нисходящий на землю: то «Я» — человека.

И — восстает Человек.

Образуется суша, тончится эфир звуковой в эфир жизни; соединение, разделение теперь есть сознательный, алхимический ритм; и проявление его — соединение звуков: и речь — образуется; речь есть тончайшее тело; и речь есть сознательность жизни; и все то, что течет в подсознании, как сродство, как атомность химизма, то — речь; элементы суть звуки; алфавит — название им. Воплощение соединений всех букв — человек — существует, как целостность многообразия звуков; мы созданы словом; и словом своим создаем, нарицая, все вещи; именованье — творение; именование — алхимический опыт соединения звуков.

Вот семь состояний земли: эфир жизни (иль силы сродства), эфир звуков (гармония сферы), эфир световой (или силы растений), тепло, огонь (воздух), вода и земля; и земле соответствуют семь состояний сознания: сознание соединения духа и тела (иль Атма), сознание гармоний любви (или Будхи), сознание мудрости светлой (Свет-Разум, иль Манас), сознание «Я», состояние сознания звездности мира (астральное тело), стихийности (элементарное тело, эфирное), данное нам состояние (земное, абстрактное).

В последнем — живем мы*.

Звук *земли* в мире звука суть взрывные: g, k, d, t, b, p; ими сложены суши: g, k — минералы; растения — d, t; b, p — плоти животных; в *земле* «l», «m», «n» отлагаются влагами; «г» — энергией; h, v, f отлагаются воздухом; s, z — светом огня; i, e, a, o, u — тонами звука; и далее, далее; на земле возникает впервые тончайший вид звука: мелодия всех состояний его — эфир жизни: то — речь; отражается в ней весь итог мироздания; кто говорит, тот уже начинает творение пятого дня под покровом четвертого дня; под покровом из вод, земель, воздуха, светов таятся иные покровы, как семя в плоде: то — словесность; в дне пятом словесность расставит нам мир: пейзажем Юпитера; смутно встают его ритмы: то образы речи; лаборатория будущей сферы вселенной — наш рот; голова наша — мир, сотворенный по образу и подобию Элогимов, откуда все мысли лучатся в тела; и тела мыслей — речь; наши мысли, родясь в голове, посылают нам в рот свои силы; глава — макрокосм; полость рта — микрокосм; макрокосм установлен как бы треугольником; верхняя точка вершины лежит в месте «я» (меж надбровными дугами); нижние точки углов упираются в плечи;

* См.: *Р. Штейнер. Очерк тайноведения.*

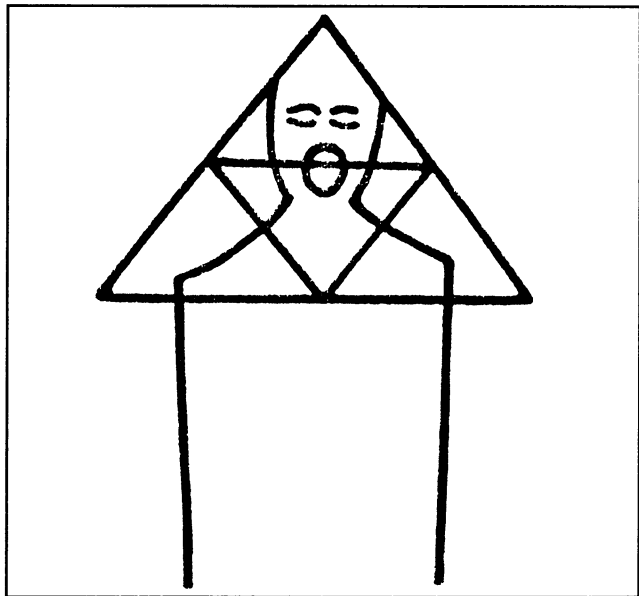

Рис. 11

и микрокосм (или рот) вписан в тот треугольник: лежит в опрокинутом виде: гортань и две крайние точки, лежащие в полости рта; так в пейзаже, встающем во рту, опрокинут пейзаж наших мыслей: рот — камера-обскура космических мыслей: главы (см. рис. 11).

Нам во рту есть *восток* место «v»; и с востока подьёмнется огненный светоч; то — «s»; и течет расширяясь в *юге*, по небу (под верхнюю полость рта, задевая часть нижней), как «же»-«ша» (*жар шара* солнца); с *востока*, от губ, где творится животная плоть (как b, p), протекает на запад, вливаясь в верхнюю полость, река жизни влаги: то — «эм»; «эм» — река поколений, передающая кровью начало творенья; «эм» — кровь: река Жизни; она, вытекая из «бе», огибает зубную растительность звуков te, de (*древо, den dron*): и то — *древо жизни*; за тенью его начинается сумрак; внизу — море, майя; а издали грохоты «ер»; наверху — воздух юга «же-ша», переходящий на западе в «ха»; в темноту нападающей ночи; и солнце по небу проводит дугу: «ес-зе-же-ша-ха», падая в мрак — там, за скалами «ка», образованными выгибом задней полости между глоткой и ртом; линии звука «срх-стр» нас уводит от света: *страдание, страсть, шорох, страх*.

На *севере* — хлады; тут воздух сгустился в пары; «эль» — пары; «п» — есть холод пучин мраком полного моря.

Проходят процессы: свечения (с-і, в-ф-у) и горения (с-з-ж-ш-х-к). Минеральный остаток есть

«к»; согревания: проведение градации звуков к w, г, h; хладнения: ch-l-n-d-t, r-l-n-d-t, r-l-g-k; процессы физических действий вполне отражаемы звуком; плавление: к-г-х-ш-щ; измельчение: к-кс-ц-з-с («с» кроме пламени есть: измельчение, диссоциация, разрушение твердого тела); и оттого процесс «г-з-с» — образование из рыхлой породы песка (рассыпание); и — далее.

Полость рта есть зародыш вселенной, грядущей когда-нибудь; как вселенная наша в день Солнца была нам иная: пески, травы, воды иначе себя выражали; так ныне во рту выражается то, что нам ясно раскроется, когда мир изменится: и станет — Юпитером.

Север, запад, восток, юг грядущей вселенной гласят в храме звука особыми трубами; там — четыре престола: четыре архангела звука стоят и внимают велениям Старшего Брата ... с Востока.

Так мы ... говорим.

66

На Земле:
— звук «а» — белый, летящий откры-

то; многообразия раскрытия рук выражают его; полнота души — в нем: благоговение, поклонение, удивление; воспринимающее начало есть — «а»; и — душа восприятий; все нижележащее: «о» — ощущение; «у» — раздражение; в частности: «а» — выдыхание, порывы к свободе; и в частности: «а» есть страх перед «х» (жаром глотки).

— Звук «e» — желтозелень: звук частных «а»; это — мысли: все зоркости, трезвости, все сомнения мысли; «e» есть наблюдение: наука; мировоззрение в «e»; здесь душа, рассуждая, колеблется в перекрещенности рук.

— Звук «i»: синева, вышина, заостренность, восторги, восхищенность мистика, моциферизм; самосознание в «i-a»; это «я»; когда «я» ощущаю — i-a-o; «i» — звездочка, острие, звук струны, грань кристалла, клюв птицы, орел, Ганимеда влекущий, теория, дух; жест вздетой руки с приподнятым пальцем.

— Красно-оранжевый «о» — ощущение, чувственность, полости тела и рта: наслаждений и боли; объятия — жесты для «о»: воплощение, воля к нему.

— Звуки «у» — теплота, уголь, узкость, глубинности, коридоры гортани, темноты, падение во мраки, пожары пурпурности, воли, усилия и муки

родов; «у» порою живет в задней полости пламенным «в» (в инфракрасных лучах): «в» и «у» — обратимы; животное семя, как око в физический мир, есть «у»; когда «і» опускается в «у» — соединяется пурпур с лазурями «і» в фиолетовом «ю»; соединение по-другому есть «ы»; «ы» — животный зародыш.

— «Х» — воздушные жары, змея, выдыханье гортани и газ минеральный, и радость рождения: смех облачения жизни; и — зыбка; вздетые, разведенные руки, стремительность рук, зов о помощи их.

— Свист, огонь, блеск, рассеянье, диссоциация, луч, песок, ослепительность, — «С»; в соединении с «в» — свет и святость; в соединении с «ф»: умудренное знание; источник свечения невидим; он в «і»; испокон имя Духа, «І» в старое солнце сошло; и рожденье в «іу» в ткани солнца сложило святыню: И-с-у-с; по-другому сходило «і» в «о», облакаясь тканью вселенной: тайна имени этого есть Хр-и-с-то-с.

— Действенность, гром, напряжение (тетива натянулась, чтоб кинуть в пространство стрелу временную), борьба, электричество, сила, работа, работа работ, разрывание почвы и беги во времени — «р»; переход тепловых сил в светящие — газов во

влагу и влаги чрез пар в газы, гнев, ярь; и алости (яроستي); тьма буквы «х» растворяема кармином в «хр» (*хр-а-с-е-н*, красен); рождение рдений; и «х-р-с» есть разряд электрической искры меж «Х» и меж «С»; кислород — это «С», водород — это «Х»; «р» — гремит: «Хрс» — блеснет: проливаются воды — ре-рь-ль-нь («и» «эн» — образуется).

— «З» — розоватость, заря, лезвие, изостренье, рассыпчатость и простертость лучей от блистаний и ясностей «С»: разверзание лучом, лезвием, тела мрака: мечи, заревые восходы, напевы, влюбленности, розы и сказки.

— «Ж» — смесь «З» и «Ш»: тепло-красное, чадное пламя, материя пламени, жар, сожиганье, процессы обмена веществ; в этом смысле «Ж» — жизнь: пожирает себя; и «ж» — бас.

— Темный и жаркий, удушливый газ, иль внецветности мира — широкое «ш»; купол тверди, когда взор его проникает из «сини», становится: неизмерными ширями; (ужасает) все — ширится: расширение тел и устремление газов распространиться без меры; и — шар возникает; *шар*, *жар* суть синонимы; «ж» прикасается к «ш»; воспаленное «ш» и есть «ж»; ощущение эфирного тела дано в сочетании звуков «ш», «р»: *ширина*, *широта*, *расширение*, *шар*.

— «Щ» — процессы сухой перегонки и вязкая масса растительной ткани; сначала она испаряет все «х», или — легкие углеводороды; потом испаряются «ш»; наконец, текут смолы; «щ» — сущность смолистости (темно-коричневый цвет); и уже наконец образуются твердые «ц» вещества (нафталин, камфара и т. д.); при сжигании дерева — уголь есть «ч»; при сухой перегонке (плавление растительной ткани) процесс изменяется: смолы текут; «щ» есть вязкость.

— «Ч» — проекция темноты на материю, черное: уголь, сухой порошок, порох, взрывчатость; силы роста, проявляясь мгновенно, взрываются разом; и — опаляются разом; «ч» — чирканье; в «ч» — все взрывное, что есть в «к» (минералах), в «ц» (или в света лучах), в «т» (иль) росте растений; и ширина звука «ш» скрыта в «ч»; «ч» плюс «с» дает взрыв: «чшжэсик».

— Силы, брошенные к периферии от центра, рост твердости, распространение «ш» под древесной клетчаткою — «т»; где-то скрыто в растении «шст»; в соединении с взрывающим действием «р» — «шрст», иль — «стр»: взрыв растущих лучей, иль — *растительность, рост, распространность* ветвями-лучами, *стремление шириться* тканями: *страстность, распятие* силами *струи* (Strahl) све-

та; все — взрывы, иль *астры*: светила суть взрывы лучей; и астральное тело есть «*стр*» — уплотнение солнца: стремление страсти, ее изживанье лучами; растительность жизни есть крестное древо: *страдание*... Сочетание звуков «т» может означать: «металл» и «машина»; машина — начало восстанья растения в камне; связи «к» миром «т» в переливе: «клнд-клнт»; море «н» отделяет нам видимо миры «т» от скал «к»; и мир минеральный отчетливо отмежеван от злаков; но из влаги сосут злаки «к»; но искусственный перебег сил солей в силы «т» явен в звуках к-ц-т, г-з-д: приготовление металлов из каменных руд; и из металлов — машин; «т» — машины; *травую* машин прорастает руда; и коленчатые рычаги вылезают из руд узловатыми злаками.

— «Н» — глубина и вода; не «н» — зелено: зелены сочетания с «н»; или — *зелени*; «н» — пучина холодная; и — пучина соленая; прикосновение легкое влаги в касаниях в ошупи; прикосновение с «н»; носовой резонатор есть «н»; тайна моря не вскрыта: под «н» слышно «i»; «in» — таинственно; «in» есть нежное в «п»; если «ш» — ширина, вышина, «п» ее глубина; купол неба, насыщенный влагою и освещенный «с» солнца есть: «s-in», или синь, синева; небо куполом опрокинуто в «п»; «н» при-

кидчиво, кажется воздухом неба; но это — сон отражений, обману луны; «н» обманности магии.

— В голубеющем «д» есть поверхность растительной ткани; «д» — форма растений; росты сил, становясь явноримыми — д; и «д» — *ставшее* становление; оно — всякая форма (предметов, растений и мысли); там, где «т» есть, есть звон; переходы же в «з» — разбивание; металл, «д» — пластинки металла; и оттого «д» при переходе обратном — строительство формы из света; «д» в «л» формирует кристалл; «л» есть пар; «лд» есть лед; соединяясь с «р», «д» есть *форма в движении*; в интуитивном познании категории (д) сочетаются с «р» (содержанием); мы мыслим раскрытие тайны о «*древе*»; и мысль наша — *древу*; и древо растительной жизни, непостижимое оку, теперь постижимо, как мысль внутри нас; в нас вперяется: *древу*, *dendron*. Смоковница Будды (ткань нервов), развив свою крону (наш мозг), наливает плоды: цветет образом звука, растением звука выходит из мозга; мы видим орнаменты. И Гете, увидевши мысли свои, как цветы, создает тогда именно «Метаморфозу растений».

— «М» — жидкое, теплое, что присуще животным: живая вода, излианная в нас, или — кровь: Эликсир, река жизни, животная мудрость; в «м»

действия красны тогда: «Если дела ваши будут как пурпур, как волну убелю», — говорит нам Исая; и убеленное «м» (через «б») превращается в «в»: «в» — волна убеленная; в «м» живет мало змия; в «м» сладострастие; но есть и душевности; где «м» душевно, там — жизнь воплощенное: *мама*; высоты «м» светятся фиолетовым пурпуром; имя тогда им «Мария».

— «Б» — телесно; «б» форма животных, как «д» — форма дерева; как «д» форма мыслей, так «б» — форма чувств; мысли могут безмерно расти (неограниченны росты); «б» — силы давления с периферии: и чувства — оборваны; «б» суть сущности, благо сжимающие люциферический рост; и образована кожа; животные растут в юности; после же — нет; ограничение «б».

— Если «б» вдруг расплавить упорной духовной работой, открылись бы виры (водовороты образований воздушных); тела овоздушнились бы: это — «в»; движение формы животных и вся переменность развитий предстала бы нам.

— И пределы ее — «ф» фантазии; ультрафиолетовость их; Гетевы прототипы животных тут явление из волны возвышающих чувств (белых чувств); «ф» — эфир; но и «ф» — разрешение; в «б-в-ф» осветляется плоть; в «п-ф» плоть разлагается.

— «П» — уплотнения чувств; если «б» суть быки, «в» суть львы, «ф» — орлы; то, наверное, «п» — носороги, слоны; словом — сохлая форма и старость животных; «п» — мускулы, кожа да кости; и «б» есть телесная форма; «м» — кровь; «в» — легкие; «ф» — эфирное тело; в соединении с звуком «с» звуки «ф» образуют свет: *фос*; действие (р) зажигание света «фср» — фосфор.

— «Г» — рыхлость, рассыпчатость, леса; «г» — поверхности минералов.

— «К» — толщи их; К — удушение, смерть, стылость, холод, непроницаемость массы, инертность; и «к» — бессознательность; насильственности в прерывании воздушного тока — убийство; и оттого «к» — убийца; «к» — камень, кристалл, кремль, кварц и скелет; «к» — слепые потуги космических волнений, кашель.

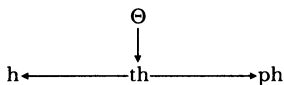
— Все «ц» — промежуточны; коль они вытекают из «к», то они — раздробления (звуки сухие); и — отражения света от гладкого зеркала, отблески от *зерцала*; игры света на влаге (на «н») или на «к» суть *ценности*: драгоценные камни; цвет «ц» — переливчато-радужен; коль из «с» — истекают лучи в ткани роста.

— Звук «Ө» промежуточен между «ts» имен «рh»: в звуке этом эфирные силы животных пере-

секаются с силами роста; гармонически разрешается противоречие сил «b», «t» (на физическом плане) в гармониях силы стихийности; «Θ» — уже зафизично; и на физическом плане произнесение «Θ» — соединение придыхательных звуков: «ch-sh-th-ph»; минералы, растения, животные (h, th, ph) в «Θ» — единство стихийности: тело эфирное Космоса.

Собственно: выражение эфирного тела при помощи звуков «шр-ср-вр-фр-жр» (*жар, шар, ширь, вар, рост и эфир*) моделирует тело эфирное образом тела физического; в невыразимейшем «Θ» или «chshthph» — звук эфирного тела:

Отношение соединения растительно-минерально-животное: выход в эфирное тело. Довольно: характеристика звука — намек: смысл моей экспозиции в том, что внимание отмечает за образом нечто; все образы — вехи; и в прохождении мимо них (не в принятии их) освещение подсознания звука.

Когда я утверждаю: «звук то-то и то-то», то не закрепляю за утверждением ничего, а рисую на-

броски; и тотчас кидаю, и звуки текут; и нам значат: физический мир (где h, v — газы, «l» — пар, «n» — вода), где все взрывные — твердость, где «г» есть энергия и где тепло — «w»; «светоч — s»; звуки могут быть *качеством*: щелочи (l, m, n), соли (взрывные) и кислоты (h, s); звуки могут расти и цвести, быть животными: беспозвоночными (w), или рыбами (m), или птицами (f), или — змеями (ph); звуки — краски: красны (kr), желты (gl), зелены (ln), сини (t), фиолетовы (m и im) или пурпурны (u); можем мы добывать из них кармин (chr); звуки суть чувства: гнев (p), лень (л), сон (h); и — образы: змей («х» и «с»), коридоров (u), звезд (i); закрепить за звуками образ, иль качество, — значит внять им превратно:

— так: «s» может значить: «огонь» и змея; но «s» не змея: в «s» есть все что угодно, окрашенное индивидуальностью, свето-огненной в общем; рисуя звук «s», помню я, что он личность (духовная личность), имеющая многообразие восприятий, душевностей, качеств, количеств; негр этот черен; но не есть для нас *этот негр* — чернота; этот негр может быть добродетельною, светлую личностью (между прочим, он *кожею черен*); так звук: вообще «s» нам светит (и между прочим, он — змейность); но наступит момент, и «s» свистнет

на нас; и язвительный холод свистящего слова погасит огни.

Звуки — личности, а мои наведенья — подобию: намекают на то, что не вскроется в слове; по Ницше, особенность символов в том, что они нам кивают без слов.

67

Все слова можем смело прочитывать мы: смыслы чтений — в заобразном смысле, в космическом смысле и в танцах вибрации слова, в орнаментах жестов мимическим образом: так мы видели на Луне; но сознание «я» (дар Земли) просветит звукообразом лунные образы; соединение сознания с фантазией переменит фантазию; и — изменит сознание; в звуке слова откроется... жизнь... на Юпитере.

Все слова можем смело прочитывать мы и теперь; и сложень космических образов речи есть первая, робкая нота: когда эта нота окрепнет, порог ясновиденья — вскрыт.

Соединение «s» и «t» — соединение огненных светочей с силами роста; соединение «st» и «r» —

соединение растущего пламени с напряжением энергии: «str» есть *огненный взрыв*; соединение «str» и «а» может значить слияние, соединение огненных взрывов и боли; но согласные — внутри гласных; и «stra» означает, что огненный взрыв происходит в болящей душе; соединение «stra» с «st» — есть рост пламени: означает *взрыв* пламени, *боль*, *вновь пламя*: то — «страсть». Если б «st» охладнело, как «п», и отчасти застыло, как «d» (но подвижную формой), то вместо «страсти» нашли бы мы слово: *страдание*, *страда*; и если б «st» вдруг потухло, то было бы *страх*. Вот космический смысл звуков слова — «страсть», «страда»: *неодолимо развитие пламенных болей; и неизменна их форма*.

Звуки «str» нам предшествуют «а»; «а» под бременем их; если б «а» прозвучало свободно, предшествуя звуку согласных, то значило б «а» — преклонение, благоговение перед внешне блистающим «str» — ростом пламени: «astre»; и «astre» есть «светило».

«Р» (латинское) — плоть: «ра» страдание души: бремя плоти на ней; «ss» — блески пламени; «pass» — огонь боли души, угнетаемый плотью; «io» срыв духа в чувственность: «passio» — значит, что тело горения духа (боль, радость) оцувстве-

нит: «п» охлаждение, сладострастие водной стихии; «passion» — означает: «ass» (вспышки души), io (падение в чувственность), «п» — холод (как следствие погружения «assio» в плоть) и получаем «passion»; светозарное русское слово в звучании французского языка принимает трагически мрачный и безысходный оттенок.

68

В образованиях шарового подобия (в полости рта) вижу два жеста сил: с периферии к центру, к периферии от центра: «ttt» разлетается; и — растет во все стороны; но существа иных сил отражают обратно кипящие силы в гремющий центр шара; и эти силы слагают звук «б» жесты губ нападающих и отдающих летящее им навстречу обратно; меж «bt» переливаются *вары* горящего шара в расплавленном рту: «h-w-h»; и воплощенный в летающий пламенный воздух звучащего вихря меж силами «t» и меж силами «b», волокущими меня и туда и сюда, ощущаю я то, что могу смутно выразить, пародируя себя самого*:

* См.: «Котик Летаев». Скифы. 1-й сборник. С. 14–15.

— еще нет разделений на «я» и «не-я»; переживающий шар ощущает «все — внутрь», и бросает —

— b —

— жар, вещества содержания — внутрь; ощущение падает внутрь; ужасы перенесения сознания ужасны: «*Переливаюсь: внутри — в центре ... «Я»!*» Центр разрывается —

— t —

— и кидает обратно «hw»: к периферии от центра; сознание несется обратно; сознание, гласные звуки (например, «о-и-а-о-и») безостановочно носятся, попеременно кидаются бьющими силами («ttt», «bbb», «ttt»): от периферии и к центру; к периферии — от центра ... —

— Рудольф Штейнер при помощи звуков еврейского языка объясняет все это**; эти «о-и-а-о-и», облеченные в «h-w-h», образуют «ohu-wa-ohu»; и «ohu-wa-ohu», между силами «t» и «b», образуют известное сочетание звуков «tohu-wa-bohu», что по-еврейски нам значит: «*пуста и безводна*»: *твердь же была и пуста и безводна... и дух Божий носился над нею*».

* В курсе XIV для членов «Антропософического общества».

Вот объяснение Штейнера:

– Произнесение звука «t» нам являет картину разрыва, разлета; и – отлетания в стороны:

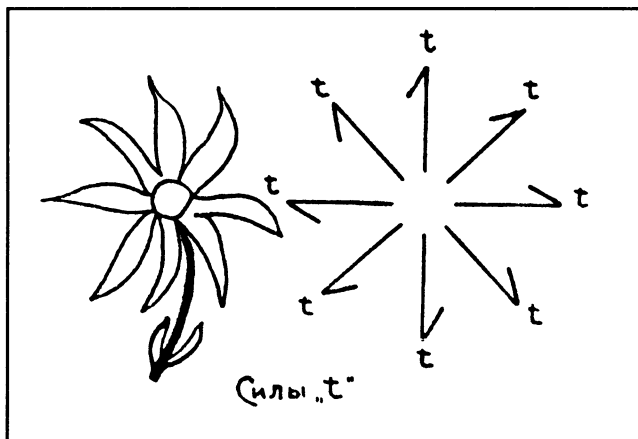

Рис. 12

К этому я прибавлю, что силы «t» нам слагают растительность; непрерывный рост дерева отображает разлет (или рост) тканей дерева по направлению к периферии (к лучам) от гнетущего центра земли; самое начертание цветов изображает нам жесты разлета; цветок – воплощение.

Произнесение звука «b» нам являет картину огромного полого шара, внутри которого — мы, а с поверхности которого действуют сущности, образуя покровы земные (и воды, и земля):

К этому прибавлю: если бы силы «b» не отражали в нас действия роста (сил «t»), мы росли бы всю жизнь; наша кожа — покров — есть граница, естественно образованная из равнодействия сил «t» (разлета) и сил благих сущностей, действующих с периферии и к центру:

Все кипящие звуки в «tohu-wa-bohu», то есть «h-w-h», суть, по-моему, газы земного состава в дне первом творения *земного*, «пустота и безвидность» дня первого Библии есть пустота с точки зрения нашей картины земли; не пустота, а — наполненность тонкими газами; «безвидность» — безобразность и текучесть того, что в «берешит бара Элогим» (что в Начале Господь сотворил); «h-w-h» суть первейшие ткани: «h» — ткань минералов; «w» — ткань зачатков растений, животных; в «h-w-h» изливается то, что впоследствии — «k»: «h» — расплавленность «k»; переливается что оплотнеет животным покровом; пока бурно носится все: в день начальный Земли, в день «hagez»: содержание раскаленной Земли есть:

— tohu-wa-bohu —

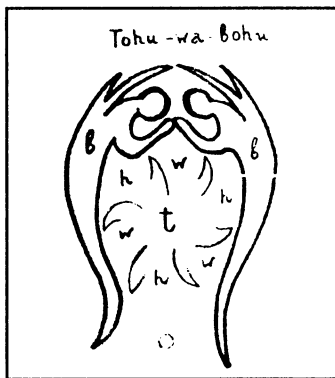

Рис. 13

и космический образ таится в «tohu-wa-bohu» — в пустоте и безвидности, где нет отделения вод и нет внешнего света; — в кружке центра (имеющем начертание лика) — очерчено место земли, и от него, точно крылья, простерты силы: то — «t»; и «ohu-wa-ohu», переливаясь, уносится; силы «b» отражают «ohu-wa-ohu»; из сложения сил отлагаются соли солей: плоть плотей (наша плоть) с заключенной в ней искрой.

Земля начинается с образа, данного мною; все звуки в земле — меж «tohu» и «bohu» оседают потом: семь дней Библии мог бы переложить в дни недели и рассказать оседание, явление трав язы-

ка; исхождение из губ окрыленных животных: орла (f), быка (b), льва (v); здесь ставлю точку.

Голова есть Земля: чаша звуков лежит в опрокинутом виде; змея выдыхает; и можно увидеть начатки грядущей планеты, подготовляемой речью; «t» (рай) — место зелени; с губ раздадутся животные; в противоположном конце поднимаются скалы и камни; земля выдыхает Сатурн («U-h-r»); внутри — чаша моря.

69

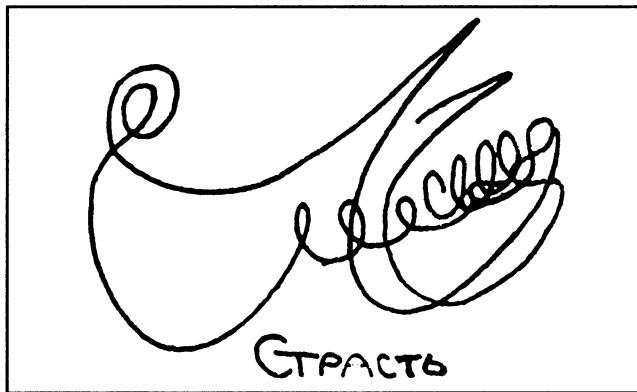
Умение прочитывать звук — только первый намек на *язык* языков; и мы знаем: второе происшествие Слова — свершится.

Мы подходим к возможности: изображать звуки слова в орнаменте линий; условимся заносить все движения в полости рта, расставляя в местах звука букв соответственно линии; золотистая линия газов «с-з-ж-ш-х» от зубов до гортани проходит волнистой спиралью: спиральки для «С» (перед зубами, в зубах, за зубами) обозначат и место для «ес», и летящую форму его; в волнистую линию (шире «ес») меж губами, с достаточной точностью изобразим истечение «ве»; изобразим все

звуки; для «ер» есть значок: колесо; звуки мягкие — округленные линии, а глухие — углы перерыва струй; в соответственном месте расставим же линии, соединим их: получим орнамент; то все происходит во рту.

Для простоты мы сперва отвлечемся от гласных; запомним: пейзажи слагаются в опрокинутом виде: что в мыслях вверху, то во рту нам внизу; полость рта опрокинута.

Слово «страсть» — орнамент его см. рис. 14.

Рис. 14

Я беру «Серафим»; и рисую орнамент согласных.

В месте «г» — колесо; в месте «s» — три спиральки; «sg» есть перелет к звуку «ph»; «grh» — линия ниспадения к «m», иль влучение эфира во влагу; картина звучаний рисует грозу: свет блестит, гром гремит — вихрь эфира влетает в животную кровь; звучание «Серафим» подымается жестом, происходящим во рту, когда мы произносим, тут, завиваясь, танцует струя; и, излетая, становится тонкою плотью.

Орнамент есть плоть нашей мысли.

Звук мы можем записывать в линиях, можем его танцевать, можем строить в нем образы.

70

Жесты звука слагаются: прикосновением языка и спиралью струи (расширение, сужение, скопление тока); сложение линий струи с языком — соединение тела и рук; звук «эль»: язык поднят; поверхность касается неба; ударом о небо струя переломлена; падает вниз; и, отражаясь, вторично подымается и — наклоняясь, я опускаю вниз руки; их вновь поднимаю; звук «у»: замыкаю я руки углом; «эн» — движение легкое телом; такое же точно движение рук; жест — касание — упо-

добляем касанию языка верхней полости рта с обгоняющей кончик легчайшей струей; «а» — раскрытие рук.

Соединение четырех этих жестов: «Луна»; соединение жестов должно быть угадано: эвритмия — искусство; и простота в утонченье душевных движений есть в ней.

Эликсирами жизненных токов насыщено слово.

71

Эвритмия нас учит ходить — просто, ямбом, хореем, анапестом, дактилем; учит походкою выщербить лики и ритмы провозглашаемых текстов; линии шага тут вьются узором грамматики; местоимение — линия эта; а та — есть глагол; этимология линий ветвима пестрейшею, синтаксической вязью; и оттеняемы: категории логики звуковым изъяснением, в пожарах бессмертия — сгибы руки.

Введены основные цвета: вызывает тепло беспокоящих светочей красное; кажется — нападает на нас; нас ведет за собой голубое.

Делаю жесты ладонью к себе, образуя рукою и кистью отчетливый угол; то — значит: беру, нападаю, тревожу (жест красный); обратное есть «я даю» (голубое); между *синим* и *красным* ложатся оттенки: то — *зелено, желто, оранжево.*

Краска, грамматика, логика, звук зажигают сияющей, переливчатой радугой; эвритмия легка, как пушинка, светла, как заря, и чиста, как алмаз.

72

Такое искусство возникло; оно обосновано Штейнером; обоснование мое — физиология: то есть — бревенчатый смысл; из страны, где сверкает она, на руках, как младенца, принес ее Штейнер; и положил перед душами смелыми, чистыми.

Приведение всех оснований искусства мимических звуков уводит нас в сторону. Малый штрих из всех доводов Штейнера — вот —

— наше тело пронизано трепетом ритмов и гармонических пульсов; то — тонкая плоть; и четвертое измерение (время) — оно; все, что было, что есть и что будет, в материи здесь вечно — суще; расширены во всех проявлениях жизни — здесь

именно: в ритме, в гармонии, в танце эфирного тела; все, что было и будет — со мною, сейчас, оживает, как *память в памяти*; фотографический снимок, момент этой памяти, наше понятие и крик звука; воспоминание о мимике старого мира есть ритм жизни мысли и ритм звукословий; мыслить — вести разговор с существом, воспоминание о коем — понятие; в начале нам слово и мысль: но до начала еще — наша память.

Мы не мыслим: мы — помним; и мы — называем какой-нибудь термин; за термином — мрак, пустота, Ding an sich или res (все почтенности онтологии, о которой мы путного слова сказать не умеем).

Так *вспомним* же? И память о памяти спит; память у нас коротка: вспомним термин; и — только.

Эвритмия — она: рассказ в жестах о том, что есть в нас, но чего мы в себе не узнаем без вскрытия недр, освещаемых ритмами тела: эфирного тела; оно — вязь из них всех; и «гнездалище» памяти; отражение эвритмических танцев, страны жизни ритма, — движение мозга: и носороги понятий встают; и — проходят они толстостопною поступью всех двенадцати категорий.

Выпадение ритма крови, дыхание из лада стихийной игры есть распад огнемысли на стальные

звуки и тусклые лики понятий; и мыслим, и ходим, и дышим не так: мыслим вилами вместо кисти; задышим — и будто

тяжелобойные,
скрежетолильные —

(В. Иванов) — «ковачи» раздувают меха (по В. Иванову — звуки цикад, а по-моему, звуки кирпичи о булыжник); наше вниманье вперяется в материальный процесс; звук давно пепелится (среди кресел, вина, среди томов библиотеки и сигарного мнения); перенеси мы внимание от материальных значений звучания мысли к иным, огnezвучным, определенной культурой в себе бы мы вызвали лад, зажигающий кровь и сластящий дыхание; тело истаяло б в веянье крыл, омывающих нас; глазами, движением, улыбкой сказали бы мы *про опахало из вьющих крыл, омывающих нас.*

73

Образ, мысль — есть единство; преодолеть раздвоенье словесности — значит: преодолеть и трагедию мысли без слова; и — вспомнить, что есть *память памяти* или — сложение речи: творение нас и всего, в чем живем, потому что звук

речи — есть память о памяти, об Аэрии, милой стране: стране детства, лилеи, крылеющем ангеле слез.

Сквозь обломки разбитой, разорванной, упдающей жизни к Аэрии приподымаю объятия!

74

На эвритмии печать вольной ясности, смелости, трезвости, новой науки и танца; «плясун легконогий» есть тот, кто облек ходы мысли в орнаменты ритма: он есть «*Заратустра*».

И легконогие мысли *веселой науки* грядут не стопою *трактатов*, а роем летуний, играющих шарфами:

— видел я их в белом зале резном: под бирюзеющим куполом, сотканным тяжким трудом и алмазной любовью; и их же я видел за тяжелой работой: стучат молотками по дубу они уж года (да, года!!); но, юнея, они изливали свой свет в чистой зыби планет.

— Может быть, в то время гремели огни ураганного залпа; и падали трупы; но эти чистые руки и бирюзеющий купол — взлетали молитвой —

— к престолу Того, Кто с печалью взирает на ужасы, бойню, потопаы клевет, миллионы истерзанных трупов, замученных жизнью; и — братство народов я понял: в мимическом танце.

На крепких сгибах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук.

С. Есенин

И бирюзеющий купол молчал; вечерело; оттуда, где гребни Эльзаса туманно протянуты издали, таякала пушка.

Да будет же братство народов: язык языков разорвет языки; и — свершится второе пришествие Слова.

*1917. Октябрь
Царское Село*

Послесловие

Писать послесловие к книге *не* значит продолжать писать её за её пределами, там, где её уже нет; конец книги — это некая поволенная прерванность повествования, за которым книга лишь возвращается в стихию своей нерожденности — допустив, что своим написанным началом она не менее обязана случаю, чем своим дописанным концом. Не видеть в книге ничего, кроме *текста*, всё равно что не слышать в музыке ничего, кроме вызвученных нотных знаков; текст не книга, а постоянное смещение границ внесловного — негативная выделка форм, через которые некое пустое и безвидное пространство структурируется в сожительство смыслов. Текст — шум дискурса, растождествляющий несказанное с его немотой и фиксирующий мгновения его испуга, по которым приходится затем отгадывать их *содержание*. Мы различаем в книге её словесные следы и её беглый смысл по тем же критериям вменяемости, каковая позволяет собаке брать след, а не просто разнюхивать его. Послесловие к книге — попытка напасть на её след в месте, где обрываются её видимые следы. Понятое так, оно оказывается не столько продолжением книги там, «где её нет», сколько её порождением (и только в этом смысле продолжением). Сказанное характеризует феномен читателя как такового, отношение которого к книге не есть отношение *субъекта* к *объекту*, а как раз наоборот: читатель книги есть её *содержание* за пределами текста, и юным читателям Вертера, покончившим вслед за ним самоубийством, наверняка принадлежит более надежное место в истории литературы, чем отказывающим им в этом историкам

литературы. Книга — аналог Творения, а читатель, в особенности читатель-критик, читатель-редактор, читатель-писатель, — забалтывающий её теолог. Но читать не значит вести с автором внутренний диалог, а значит единственно: не мешать ему работать над нами; читая Шекспира, мы творимся им не меньше, чем действующие лица его драм, но и сознаем это не больше, чем они, умудряясь находить в прочитанном какие угодно значения, но только не (*снова в первый раз возникших*) самих себя. По аналогии с Творением: книга пишется как ответ, а читается как вопрос; читатель книги есть её гарусник, который по обнаженности её ответа отгадывает скрытые судьбы смыслов, складывающихся в вопрос. И если читателю любо оставаться при более привычной, обратной, диспозиции, то ему следует лишь перестать читать книги и начать их писать.

Вопрос при чтении «Глоссолалии» (глоссолалия — рекапитуляция Шестоднева средствами *умного дадаизма*): *как возможна «Глоссолалия»?* Что Слово, открывающее Пролог к Иоанну, *не* есть слово лингвистов или страдающих логореей грамматологов, этого не станут отрицать и сами лингвисты. Нужно было бы однажды, очнувшись от слов, дослушаться до вещей, чтобы догадаться, что Слово, которое было в начале, у Бога и Бог, *не* было словом помысленным, того менее написанным, ни даже сказанным, а *петым sui generis*; подобно тому, как стихотворение начинается с звучания и звучит не в голове поэта, а — *«прежде губ»*, так и (глоссолальное) начало мира — *физически* — свершается как жаркий выдох, ошлотневаемый тепловыми телами будущих *«нас»*. Ибо прежде всякого мира, прежде

всяких «нас» был Звук, «дикая истина звука», и вселенная физиков возникала не в туманностях канто-лапласовской головы, а в раззвученной полости рта под небом-небом, от которого отталкивался и о которое бился детородец-язык. Нетрудно догадаться, что вопрос: *как возможна Глоссолалия?* — есть вопрос о возможности её *творца*. Ибо достаточно уже немного вчитаться в текст этой книги, чтобы понять (или именно *не* понять), как она писалась. Чтобы понять по меньшей мере, что — как бы еще ни писались книги, *так* они не пишутся наверняка. «Послушайте, размышляли ли вы до блистающей „искры из глаз“? Если — нет, рассмеетесь наверное вы надо мною; но вы не философ тогда»¹. Ну у кого повернулся бы язык в присутствии Эмпедокла назвать философом, скажем, Бертрана Рассела! Но и обратно: где лицензия философа присвоена Расселом, что же еще остается Эмпедоклу, как не прослыть шарлатаном²! Едва ли какому-нибудь другому писателю в критически, литературоведчески и всячески затерзанной истории русской литературы было учинено больше несправедливости — в совокупной смете всех направленных по его адресу промахов, диффамаций и нелепостей, — чем Андрею Белому. Epitheta ornantia: «блестящий», «пламенный», «ослепительный», «гениальный», которыми его награждали и награждают по сей день, сочетаются, как правило, с подлежащим «шарлатан», в более снисходительной редакции: «сумасброд», и годятся в конце концов лишь как гвозди, вколачиваемые в гроб собственного непонимания; интересно в этих хлопوشках не то, о что они

¹ А. Белый. На перевале. Кризис культуры, Берлин, 1923. С. 153.

² В расселовской «Истории западной философии».

лопаются, а что они заслоняют: за ослепительностью автора «Глоссолатии» можно было бессовестнее скрывать свое косоглазие или свою слепоту. Этого писателя меньше всего хотели *понять*, больше всего — от него *отделаться*, не видя при этом, что, отделяваясь от него, тем постыднее выдают *себя* с головой. Будущим дефектологам культурного сознания придется, возможно, на критиках и оценщиках Белого изучать любопытные разновидности вируса *ressentiment* — от сдержанной мстительности академиков до тусовочной, как это у них называется, развязности всякого рода околотелитературных отморозков. «Мысли — бомбы»: «выскажи я сегодня в газете свое состояние сознания, завтра, быть может, взорвется сознание неизвестного американца; через тысячу лет, если мысль моя сохранится, взорвется сознание нерожденных еще»³. То, что оно взрывалось уже и тогда, у рожденных, об этом в один голос свидетельствуют очевидцы, хотя бы им и приходилось самим спастись от бомб — встречными взрывами чувств, как Марина Цветаева, или под прикрытием щита насмешек, как большинство. В следующем отрывке из воспоминаний С. М. Алянско⁴, издателя «Алконоста», с редкостной неприязнительностью воссоздан некий первофеномен *знакомства* с бомбометателем Белым:

«Я почти ничего не понимал, но темперамент и страсть, которые Белый вкладывал в свою двухчасовую речь, музыкальный ритм этой речи держали меня в необыкновенном напряжении. Это был какой-то бешеный шквал, который обрушился на меня. Напрягая все свои

³ А. Белый. На перевале. Кризис мысли. Цит. соч. С. 111.

⁴ С. Алянский. Встречи с Александром Блоком. М., 1972. С. 50–53.

душевные и умственные силы, я пытался следить за мыслью Белого.

Возбужденный, с воспаленными сверкающими глазами Белый стремительно бежал из угла в угол, стараясь в чем-то меня убедить. Длинные волосы на его голове развевались как пламя. Казалось, что вот-вот он весь вспыхнет — и все кризисы и мировые катастрофы разразятся немедленно и обломки их похоронят нас навеки.

Голова ходила кругом, хотелось скорее на воздух. Не знаю, что могло бы со мной случиться. Я не выдержал и поднялся».

Любопытно отследить, как выглядит развязка «я не выдержал и поднялся» у более знаменитых собеседников, из числа тех, что уже заняли себе место в русском «серебряном веке»; эти вспоминали обрушившийся на них «бешеный шквал» иначе, пусть тоже «не выдерживая и поднимаясь», но не роняя при этом марки умных, владеющих собой «собратьев по перу», сочувственно или насмешливо разглядывающих разгениальничавшегося шута и сумасброда. Вот как, к примеру, рекомендует только что вышедшую «Глоссоластию» некий гигерль от словесности (кстати, вчерашний обожатель и ученик)⁵: «Друзья мои и враги, умоляю Вас, — раскупайте эту книгу, снабжайте ею Ваших знакомых и домочадцев, дабы всякий грамотный на русском языке

⁵ С. Бобров. Андрей Белый. Глоссоластия. Поэма о звуке. ЛЕФ, 1923, 2. С. 157. На названном Боброве читатель мог бы существенно обогатить свои познания по части отечественного интеллигентского шалонайства. Почти одновременно с отзывом на «Глоссоластию» автор Бобров письменно отозвался на «Закат Европы» Шпенглера; в заметке, озаглавленной «Контуженный разум» (имеется в виду разум Шпенглера), он предупреждает читателя: «Во избежание недоразумений оговоримся заранее: Шпенглера самого нам прочесть не удалось».

по старой орфографии мог убедиться и вложить персты в сии точащиеся блаженным и захлебывающимся идиотизмом стигматы». А вот и другой, куда более аккуратный, пассаж, принадлежащий перу степенного философа⁶: «Белый всю жизнь носился по океанским далям своего собственного я, не находя берега, к которому можно было бы причалить». Чувство превосходства, выпирающее в этих оценках, не должно сбивать с толку; гораздо более явно и уродливо вытарчивает здесь вполне вульгарный комплекс неполноценности. Не зависть, ни даже бессилие хоть как-то угнаться за этой мыслью, а сама её *возможность*: возможность мыслить *так*, не выхлопными мыслями головы, а переполненным мыслями телом («ибо я символист, а не догматик, то есть учившийся у музыки ритмическим жестам пляски мысли, а не склеротическому пыхтению под бременем несения скрижалей»⁷), — вот чего не могли и не могут простить писателю и мыслителю Белому его пусть по-своему талантливые или по-своему бездарные, но уже по-всякому иные, иначе сделанные «*коллеги*», гораздые пристегивать мысль ремнями безопасности, даже если она движется со скоростью шага, и потешаться над иным танцующим канатоходцем. Очевидно, что проблема лежит в компетенции не столько логики, сколько этики; если критик с катетером в мозгу, выцеживающим мысли, не возбраняет себе судить о писателе, искривляясь мыслями, то он не просто глуп, но и аморален! Никто, даже книжный упырь, ведь не отрицает (пока!), что некую местность можно узнать не только по её топографической карте, но и побывав в ней! Глупо и

⁶ Ф. Стетун. Встречи. М., 1998. С. 160.

⁷ А. Белый. На рубеже двух столетий. М.-Л., 1930. С. 187.

аморально считать описание *увиденных* вещей химерой, потому что их нет на карте. Считать химерой «Глоссолалию» («Глоссолалия» — путевые заметки ясновидца — яснолышца! — о стране Аэрия) — всё равно что считать химерой воздух в некоей местности, потому что он не обозначен на карте. «Философия есть живая страна, преисполненная невыразимых ландшафтов»⁸. Соответственно: философы — это люди, судящие о своей родине по карте, в известном смысле даже живущие не в стране *философия*, а на её карте.

Среди всех нелепостей, обезобразивших тему «*Андрей Белый*» до неузнаваемости, наиболее злостной остается переписываемая из книги в книгу фраза о губительной роли антропософской духовной науки в судьбе художника Белого. Известно, что после встречи с Рудольфом Штейнером в Кёльне в мае 1912 года автор «Символизма» принял решение стать учеником антропософии, каковым и оставался всю жизнь. (Берлинская сплетня начала 20-х гг. о Белом, пьющем вино, танцующем фокстрот и выкрикивающим проклятия доктору Штейнеру, относится к тем же энгармоническим недоразумениям, о которых однажды и навсегда было сказано: «*Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе*». Что же мог увидеть осевший в Берлине русский эмигрант, некто Ходасевич, в опустившемся до «*есенищины*» ученике духовной науки Белом поверх того, что увидел бы в этом какой-нибудь вуаёр или папараццо! Верность или неверность антропософа антропософии — тема слишком специфическая, к тому же ни при каких обстоятельствах не «*светская*», чтобы можно было доверить её

⁸ А. Белый. На перевале. Кризис культуры. Цит. соч. С. 153.

острословам; антропософия Белого проверяема единственно ростом его мысли вплоть до последних написанных книг, где её присутствие — не в термине, а в существе — огромно до потрясения. Берлинское inferno 1922 года, в котором выкрикивались проклятия, было не разрывом, а особо тяжелой — в русско-астральном исполнении — проверкой на прочность⁹. Роженица тоже кричит в муках и проклинает, но кем же надо быть, чтобы припомнить ей это позже и за сплошными невменяемостями родовых схваток не увидеть рождающегося младенца!) Говорят: он погубил в себе художника, подчинив его мертвым антропософским схемам. Говорят, после «Петербурга», т. е. с момента начала своего антропософского ученичества, он не создал больше ничего значительного. Но истина как раз в обратном, и те, кто так говорит, не знают, что говорят, и говорят, чего не знают. Едва ли можно было бы лапидарнее охарактеризовать всё созданное писателем Белым до его встречи с антропософией, чем: *поиск стиля*. Что есть стиль? Очевидно, не: просто украшение, средство выражения, способ письма и что-то еще в этом роде. Стиль — категория эстетики, при условии, что эстетика — часть антропологии, а антропология — не слу-

⁹ Марине Цветаевой: «Вы же дети по сравнению со мной! вы еще в Раю! а я *горю в аду!* — не хотел вносить этого серного Ада с дирижирующим в нем Доктором — в ваш Рай». Только особенностями судьбы объяснимо, что эта переписка происходила на глазах у публики, которая, не будь она столь неадекватной, могла бы же, пусть ничего и не смыслив в происходящем, явить себя с менее бездарной — если не этически, то хотя бы эстетически — стороны. За *-пальным переломом хребта-* не увидели реальной инсценировки отрывков из книги «Как достигнуть познаний высших миров?», разумеется в специфической постановке автора «Петербурга».

жанка зоологии, но — «*основная наука*». Стиль — это человек, которого нет, но который ищется, чтобы быть. Поиск стиля тождествен, таким образом, поиску человека, или «*самого себя*», ибо под «*человеком*» разумеется здесь не «*сущность человека*» в абстрактно-логической помысленности рода, а *фактический* человек, некто «*вот этот вот*», который смог бы в «*себе*» осуществить «*назначение человека*» и раздарить затем «*себя*» другим как путь познания, чтобы каждый мог на нем, как на «*другом*», пробудиться в «*самого себя*»; в письме Белого к Блоку от 18 февраля 1913 года это нахождение себя в другом, показавшееся недавним друзьям и пайщикам по недвижимой собственности «*символизм*» потерей себя, обозначено в необыкновенно ясных и неуслышанных словах: «Но что же делать, если „*доктор Штейнер*“ стал лучшей частью души Андрея Белого. В себе не ведаю деления на „*свое*“ и „*штейнеровское*“. И пишуци *своим о своем*, только и могу писать о „*докторе Штейнере*“. А слова о „*докторе*“ неприятны»¹⁰. Если поиск стиля до встречи с антропософией лихорадило от скорее визионерского, чем осознанного приближения к цели, то с обретением себя в антропософии его лихорадит от избытка сознательности в прорывающейся из цели головокружительности броска. Лихорадочность поиска определялась расплывчатостью прицела; сначала стиль равнял слово на музыку и заставлял слышать глазами, так что от историков литературы, которым посчастливилось увидеть день «Улисса» в Петербурге, до того как он занялся в Дублине, не ускользнет в будущем еще одна параллель: небывалые «Симфонии», которые списывались с Грига и Шумана — в пред-

¹⁰ А. Белый—А. Блок. Переписка. М., 1940. С. 318—319.

восхищение «Юной Парки» великого молчальника Валери с её просодическим вызовом глюковским контральта из «Альцесты». Параллельно с поэзией осваивались наука и философия; аргонавт Белый привязывал себя к стулу студента-естественника Бугаева, чтобы отпугивать мистических соратников приложением закона Бойля-Мариотта к технике письма Гёте и Ибсена¹¹, а студент том за томом осиливал Канта, Риккерта и Рилия, чтобы, издав очередную книгу «*лирики*» вместе с пугающе новаторским романом «Серебряный голубь», выступить в «Философском кружке» и озадачить бывалых кантианцев основательностью усвоения терминов. Статья «Эмблематика смысла» резюмирует эклектику поиска как градацию демаркационных негативов стиля («не то») в своеобразном наклипании «*свободно-теософской*»¹² судьбы; встреча с антропософией оказалась не очередным увлечением модного писателя, а *философски* поволенной судьбой, ибо оттачивать стиль надлежало не на музыке и прочих невыразимостях, а на *самом себе*, какового «себя» предстояло еще дать создать, узнать и обжить. Очень характерный симптом эпохи: смакуя гениальность Белого в букашках созданного, проглядели её в слоне, в мужестве отказа от собственной гениальности и решении начать с нуля, с осознания себя нулем перед увиденным человеком¹³. «Весело переживаю студентом себя, забывая

¹¹ В статье 1907 года «Принцип формы в эстетике».

¹² По Вл. Соловьеву.

¹³ «Он показал мне величие „ЧЕЛОВЕКА“, себя, унизил во мне моего „ЧЕЛОВЕЧКА“... У многих ли в мой возраст есть счастье так верить в „ЧЕЛОВЕКА ВООБЩЕ“, как я верю; и это потому, что я „ЧЕЛОВЕКА“ видел воочию». (А. Белый. Воспоминания о Штейнере. Париж, 1982. С. 45—46.)

годы хождения по миру „писателем“»¹⁴. Антропософия Белого, или ученичество Белого, есть осознание символом Белым себя не в наивном реализме, или даже фетишизме, стояния перед собой как перед «классиком» русского символизма, а в символичности и творимости *собственного существования*; допустим: автор Шекспир пишет драмы, в которых заняты до тысячи действующих лиц; допустим: эти действующие лица знают всё и что угодно, кроме одного, именно: что они живут, страдают, дурачатся, умничают, злодействуют, сходят с ума, губят и гибнут в тридцати семи драмах Шекспира и реальны лишь постольку, поскольку создаются им. Они плоть от плоти и дух от духа своего творца, до которого им, однако, не дано дознаться. Оттого у них и развязаны руки, что они пребывают в иллюзии самостоятельности, которой, впрочем, хватает как раз на то, чтобы воздать должное подарившему им жизнь, не увидев в ней ничего, кроме «сказки, рассказанной слабоумным». Но представим себе невозможное: кому-нибудь из них (Гамлету, Просперо, почему бы не жирному рыцарю Фальстафу?) открылся бы Шекспир. Не тот мираж литературоведческих столоверчений, а *сам*: дух мира, неузнанным лицедействующий на лондонских подмостках и пробующий на себе действие новых смертоносных вирусов души сознания. Очевидно, что им никак уже не удалось бы остаться в прежнем качестве, как и очевидно, что они должны были бы найти себя в новой роли, несмотря на возмущение публики, у которой вдруг отняли зрелище и которая заскучала без крови и сил.

¹⁴ А. Белый. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. М., 1917. С. VI.

Подумаем теперь о том, что и «творец» Шекспир мог же бы осознать себя однажды «творением», не как верующий или какой-нибудь мистик, а как художник: Шекспир, создающий других как себя, но и создаваемый сам как другой: творец своих творений, но и творение своего творца, Шекспир в предвещии поволенной «антропософии» слов: «Вот ответ для художника: если он хочет остаться художником, не переставая быть человеком, он должен стать своей собственной художественной формой»¹⁵. Разве не поменял бы и он *направление поиска* — в миг осознания себя уже не «великим гением» (истуканом, пожираемым «шекспироведческими» термитами), а всего лишь неким богоравным персонажем в поисках *своего* автора! И разве не взбунтовались бы будущие «биографы» и «интерпретаторы», которые простили бы ему какие угодно сумасбродства из арсенала художнических «девиаций»: отрезанное ухо, пьяные драки, конокрадство, идиотизм, но только не *осознание себя*! Что художник Белый в своем доантропософском периоде написал роман «*потока сознания*», об этом — с обязательной оглядкой на мэтра Набокова — судачат уже и репортеры. Можно лишь сожалеть, что и на художника-антропософа Белого не нашелся еще свой «Набоков». Между тем роман «Петербург», дописывающийся уже из антропософского «*настоящего*», имеет совершенную асимметричную параллель — книгу «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», в которой «поток сознания» очищен до «потока сознательности». Российским философам в их старании повзрослеть придется однажды вытягиваться не перед скудоумным важнича-

¹⁵ А. Белый. Символизм. М., 1910. С. 453.

нием всяких Ясперсов и Деррида, а перед названной книгой, чтобы опознать, к примеру, в её пятой главе («Световая теория Гёте в моно-дуо-плюральных эмблемах») некоего «Джойса», впрочем занятого на сей раз не утробными голосами темного дублинского бессознательного, а проведением темы Гёте в контрапунктирующем многоголосии мысли. Если антропософия и погубила что-либо в Андрее Белом, так это его вырождение как художника и — человека; «коллегам», поднявшим шум о потере Белым индивидуальности и учинившим ему настоящий моральный террор с требованием опомниться и вернуться обратно, в «омут» стоящей уже под ударом Москвы, пришлось бы выбирать между помрачением сознания и бессовестностью, чтобы найти *объяснение* своему поведению. Что это значит конкретно, можно судить по казусу, случившемуся однажды с Бердяевым во время прослушивания курса лекций Штейнера в Гельсингфорсе, на который он по ходатайству Белого был допущен. Лекции читались в наемном помещении, и случилось так, что во время одной из них кому-то постороннему в соседних комнатах причудилось наигрывать на рояле... «собачий вальс». Бердяев, страшно напряженный и с чем-то все время борющийся¹⁶, спрашивает после лекции у одного из слушателей: «А что, всегда лекции Штейнера сопровождаются музыкой?» В подтексте: как же вы не видите, что вас охмуряют? — «Да это же „собачий вальс“, — ответили ему. — А вы думаете, что Штейнер аккомпанирует себе „собачь-

¹⁶ По собственному позднему признанию: «Атмосфера была мне очень чуждой, и я все время вел с ней борьбу» (Самопознание. М., 1990. С. 179)

им вальсом“?)... Как известно, Бердяев написал уже к концу жизни философскую автобиографию, озаглавив её «Самопознание». Ввиду того, что рассказанному эпизоду не нашлось места на более чем трехстах страницах этой книги, можно было бы спросить: что же такое познается в ней вообще? За невозможностью сколько-нибудь вразумительного ответа мы удовлетворимся следующей вполне «*имагинативной*» развязкой, контаминирующей стиль египетской «Книги мертвых» с топикой «*гамбургского счёта*»: подземный чертог, умерший Бердяев, весы, на одной чаше книга «Самопознание», на другой эпизод с «*собачьим вальсом*», перед весами на троне Озирис, за ним Крокодил. Лжи об антропософски загубленном гении противостоит прозрение Иванова-Разумника, тем более важное, что высказанное человеком, если и способным на какое-то «да» антропософии, то исключительно из-за её действительности в творчестве Белого. Из воспоминаний А. Штейнберга¹⁷: «И когда, однажды, мы ехали с ним поездом в Царское, где жил тогда Белый, я спросил Разумника: „А вы принимаете то, во что верит Борис Николаевич, чему он учит“. — „Что значит принимаю, — отвечал Разумник, — я не знаю, кто этот немецкий доктор Штейнер, у которого Боря считается учеником, но я знаю, что без антропософии истории русской литературы уже быть не может. Так же как в свое время необходимо было понимать и знать Гегеля, чтобы понять Бакунина и Грановского, даже Тургенева, очень скоро станет необходимым изучать антропософию, чтобы понять новую лите-

¹⁷ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С. 26.

ратуру, которая поведет свое начало от Белого. Смотрите, что такое Белый? Белый, по-моему, это штука (так он сказал), это штука не меньше Толстого. И только мы, здесь в России, так запросто с ним разговариваем. Это наша русская черта». Как бы ни отнестись к этой удивительной мысли, следовало бы поостеречься без колебаний зачислить её в разряд химер. Для этого потребовалось бы, как минимум, доказать *нехимеричность* русской литературы, так и *не* поведшей свое начало от Белого.

«Самосознание, как младенец во мне, широко открыло глаза»¹⁸. В этом лейтмотиве антропософа Белого – очевидный художнический вызов предпосылкам своего ремесла. Ибо в шаблоне «художник, загубленный антропософией», если не выкрикивать его душевно, а вывести его на свет, обнаруживается больший смысл, чем это могло бы показаться самим выкрикивающим. Нет секрета, что художественное творчество столь прочно ассоциируется с бессознательным, что воспринимается едва ли не как синоним последнего. Фридрих Геббель с почти протокольной лапидарностью обобщил всё, что было сказано об этой проблеме со времен платоновского Иона до современных психологий творчества: «Гений поэзии хватается человека за волосы, как ангел Аввакума, поворачивает его к утру и говорит: рисуй, что видишь. И человек, дрожа от страха, делает это; тем временем, однако, приходят его добрые братья и зажигают огонь под его ногами»¹⁹. По

¹⁸ А. Белый. Котик Летаев. Петербург, 1922. С. 13.

¹⁹ F. Hebbel, Tagebücher II. Werke in zehn Teilen, hrsg. von Th. Poppe, T. 10, S. 40.

этой незатейливой демонологии художник оплачивает моменты своего вдохновения перманентными провалами прочей жизни; либо, *не* востребованный Аполлоном, он ничтожен, вздорен, несносен, просто глуп, либо, схваченный за волосы и повернутый к утру, он гениален, но не «*в себе*», а в трансе, как в буквальном смысле «*сам не свой*». Что сознание, понятое так, противопоставлено художнику, не требует никаких доказательств. Сознание — просто другой, «*ничтожный*», полюс его существования, из которого он спонтанно и спорадически восхищается в бессознательное, где тело его, занятое на время каким-нибудь демоном или умершим или элементарным существом, становится орудием художественных суггестий. Искусство в этом смысле есть всегда некий род апроприации, а художник — невинный плагиатор, и понятия не имеющий о том, *кого*, собственно, и *что*, собственно, он лунатически обкрадывает. Привести его в сознание — значит привести его в сознание собственной ничтожности, «*без божества и вдохновенья*»; классический пример этой обратной реакции демонстрирует случай Рильке, решившего было однажды одолеть своих демонов с помощью психоанализа, но вовремя опомнившегося и прервавшего курс, так как рассерженные сознанием демоны перестали поставлять ему стихи. Сознание губительно для художника по той же причине, что и свет для непроявленной фотопленки; вопрос лишь в том: *какое* сознание, *чье* сознание? Сознание большинства не есть сознание Гегеля; для большинства уже одно соприкосновение с Гегелем равносильно отключению в обморок. Значит ли это, что решением большинства Гегель объявляется не идущим в счет? Такой демократией могут тешить себя разве что недоумки; но и

недоумкам не должно же быть отказано в льготе познать однажды самих себя как недоумков. Сознание суть уровни и различные качества сознания; есть сознание, прописанное в голове, но есть и сознание, расширяющееся в тело. Между тем: научный предрассудок, ставший общим местом, легализует исключительно головное сознание, отрицая всякое прочее, либо же зачисляя его в разряд паранормальных явлений. Поскольку в голове есть всё, кроме инстинктов, а в теле всё, кроме сознания, сознание и инстинкты мыслятся параллельно существующими, или «*дополняющими*» друг друга, вследствие чего «*мы*» ухитряемся реагировать на одни вещи сознательно, а на другие инстинктивно, выходя в последнем случае, как правило, сухими из воды и оставаясь в первом случае, как правило, в дураках. Что сознание не инстинктивно, а инстинкты не сознательны, в этом согласно сходятся опрошенное большинство; но вопрос решается не опросом большинства, а *доброй волей* и *умным деланием* немногих. Антропософия есть наука о сознании в так называемом бессознательном: в инстинктах, привычках, рефлексах, мышечной чувствительности, жизненных функциях, короче: в *теле*, учащемся осознавать себя как *дух*. Наивно было бы видеть в этой науке просто науку в расхожем смысле слова; от прочих наук о духе антропософия отличается по преимуществу тем, что здесь допустимо говорить о духе не иначе как *в* духе. Никто не станет ведь упрекать филолога-классика в том, что он не походит в своей личной жизни на меморируемых им героев античности, равным образом никто не станет требовать от теолога, чтобы он осмыслял неисповедимость путей Божьих на примере своих собственных сочинений. Но было бы во

всех отношениях нелепо представить себе науку о расширяющемся в бессознательное сознании без *опыта* самого расширения. О сознании судят, находясь в сознании, и если объект суждения — расширенное за свои границы сознание, то судить о нем надлежит не из трафарета прежнего сознания, а единственно из *опыта* нового; в противном случае пришлось бы консервировать расширяющееся сознание в старом качестве и требовать от него абсурдного умения проникать в мир сновидений в модусе обычного бодрствования (что было бы равносильно познанию мира не расширением лба до мира, а сужением мира до лба, добавим: Прокрустова лба). Сознание — не картезианец, ни даже феноменолог, полагающий, что кроме него есть еще «*что-то*», на что оно направлено и сознанием чего оно является; сознание не есть сознание *чего-то*, а есть само *что-то* (подобно тому как глаз видит не мир, а есть сам — мир); это *что-то* сознания есть вещь в её смысле. Сознание ботаника, исследующего растения, не есть нечто отличное от растений, а суть сами растения, воспринятые не в своей чувственной самоданности, а в *уме*, и от правильности или неправильности этого сознания зависит: окажутся ли растения в нем на более высокой ступени эволюции или будут заведены в некий «*более высокий*» эволюционный тупик. Аналогичным образом: сознание — *horribile dictum!* — литературоведа есть (будет!), не довесок к литературе, а *более высокая литература в литературе*, потенцирующая медиумичность авторского вдохновения до его осознанного воссоздания в опыте. Чтобы сказанное не шокировало слух и вкус, позволительно сослаться на один пример: последнюю, посмертно вышедшую книгу *антропософа* Белого, то самое «Мастер-

ство Гоголя», которое *мог бы* написать только сам Гоголь, если бы ему было под силу писать книгу «Самопознание» из того же «парки бабьего лепетанья» его стихийного тела, из которого писалась «Страшная месть»; на мастерстве этой книги, прочитывающей мастера Гоголя из сознания схватившего его за волосы гения, и было бы в пору решать вопрос, порвал ли антропософ Андрей Белый с Рудольфом Штейнером или остался его учеником. Судачить на названную тему средствами, позаимствованными у старых дев, — занятие постыдное и во всех смыслах неосторожное: ввиду опасности прослыть дилетантом не только у более рассудительных «коллег», но и среди самих сплетниц.

Вопрос сознания есть, таким образом, вопрос о возможностях *расширения сознания*. Не психоаналитической или какой угодно стерилизации сознания с обратным загнанием в застрахованную нишу ничтожества, а его, словами Гёте, «ограничения себя всем». Сказать: *сознание губительно для художника* — всё равно что сказать: *воздух вреден для легких*, какой воздух? для каких легких? Если есть сознание, способное погубить художника, то есть и сознание, без которого он гибнет — как художник и человек. Антропософия Белого — первенец некоего художества, которое будет *сознательным* либо вообще *никаким*; характерно, что о безволии автора «Петербурга», давшего-де себя за гипнотизировать, говорили (говорят) там именно, где волею его впервые стало само сознание. Вопрос: *как возможна Глоссолалия?* — предваряется вопросом: *что есть Глоссолалия?*, которому, в свою очередь, предшествует — ответ: она есть *орган восприятия*, или некое *déjà vu*,

скорее, *déjà entendu* в радиусе памяти, простирающейся до Книги Бытия и — дальше, или *место слёта* мыслей, несколько не стесняемых словами, напротив, чувствующих себя в словах, как эвритмический жест в газовом, завивающем воздух шарфе, иначе: некое отображение написавшего её «чудака», а точнее, оригинала его «становящегося человека» («Эпопея Я»), с которого он её, собственно, и считывал²⁰. Именно этот оригинал, а вовсе не какую-то философию или мудрость и выпало опознать *в себе* Андрею Белому при встрече с Рудольфом Штейнером; в личности Штейнера транспарировало не учение, не теория, не оккультное знание и как бы это еще ни называлось, а *воочию явленный* ответ на вопрос: *что может человек?* — он оттого и преклонился в Штейнере перед этой мощью, что она не подавляла и не гипнотизировала его, ни даже просто являла себя ему, а жертвовала собой *ему*, чтобы и он, немощный, однажды — *смог*. В этой жертвенности («она превышала и силу моей любви к нему», скажет он позднее²¹) и он увидел «*бездну*», но не глазами бывших сотрудников по «Мусагету» (на деле «*русских мальчиков*», раскрученных охочими до экзотики европейцами в «*русских философов*»), а как первофеномен «*самого себя*»; тем благодатнее и продуктивнее оказывалось осознание собственной немощи в настоящем, как воли к будущему себе, *могущему*. Антропософия Белого засвидетельствована не только книгами писателя Белого, но и едва ли не в боль-

²⁰ Из письма к Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г.: «„Я“ — ни Котик, ни Борис Бугаев, ни Белый; я — „История становления самосознающей души“. Андрей Белый и Иванов-Разумник, Переписка. СПб., 1998. С. 508.

²¹ А. Белый. Воспоминания о Штейнере. С. 53.

шей степени воспоминаниями современников о человеке Белом²², которые проглядели её за виртуозной быстротой её исполнения. Подобно Флоберу, чуть не умершему от отравления мышьяком, который выпила его героиня; подобно Ницше, отождествившему себя в пароксизме прижизненного вхождения в смерть до «каждого имени в истории», он становился тем, что писал, и вживался в невозможное: *перманентно сходя со старого просроченного ума в тьму телесного космоса, чтобы входить оттуда в ум новый и никогда еще не бывший*. «Глоссолалия» (одно из имен эпика Я «Андрея Белого») — эвритмически вправляемая заумь, некая фонетика миротворения, сложенная не во лбу, а, как это единственно и подобает *слову*, ставшему плотью, — во рту («ушел к себе в рот подсмотреть мироздание речи»). Мысль-бомба сдетонировала в этом случае на штейнеровском «Очерке тайноведения», или теософии в знаке Гёте, по сути очерке физики тел макрокосмического человека, образующих мировой процесс как эволюцию. Нужно представить себе автора «Котика Летаева» читателем «Очерка тайноведения», читающим его из тех же состояний сознания, из которых он *писал* свой роман, больше: *слышащим* его; из всех книг Белого «Глоссолалия» осталась, может быть, самой неслышанной (и постольку самой *будущей*), абсолютно закрытой для нашего логоневротического времени с его отношением к звуку по модели: «Скажите А». Философы, лингвисты, филологи, «специа-

²² Один пример из множества: «Для меня несомненно, что Белый больше своих книг, что Белый-человек много, неизмеримо крупнее Белого-писателя.» П. Медведев. Из встреч с Андреем Белым. В кн.: Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 207.

листы» стоят перед ней ничуть не более привилегированными, чем остальные читатели; из «*научьей глухоты*» своей учености они и не в состоянии иначе реагировать на нее, чем на какой-то фокус или субъективный бред. Странные люди. Им бы отвлечься от собственных нош и подумать о том, что если они не способны понять эту книгу (понять её значило бы, как минимум, уметь мыслить в её темпах), можно же было бы попытаться *насладиться* ею, как наслаждаются произведением искусства, — скажем, не читать её, а слушать, как слушаем же мы какого-нибудь виртуозного скрипача или пианиста, отложив в сторону свои дутые «*дискурсы*»! Как знать, может, и им тогда «легконогие мысли *веселой науки* грядут не стопою *трактатов*, а роем летуний, играющих шарфами»? Как знать, может, на этот раз они не пройдут наконец мимо *ответа*, а разбудят себя вопросом к нему: если русская литература не повела свое начало от Белого, то отчего повести свое начало от него не смогла бы русская сознательность?

Карен Свасьян

8 января 2002 года (в день памяти Б. Н. Бугаева)

ISBN 5-94610-010-6

Корректор
Н.И. Маркелова
Оформление, верстка:
А.П. Куцын

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Лицензия ИД № 05043 от 09.06.2001
Печ. л. 4,5. Формат 70x100/32. Тираж 500 экз.
Заказ 6329